

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
Институт славяноведения и балканистики

К О Н Ф Е Р Е Н Ц И Я

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ  
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*ПАМЯТИ В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЧА*

6 – 9 февраля 1990 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Москва 1990

*Оргкомитет конференции:*

академик Н. И. Толстой /председатель/  
профессор С. Б. Бернштейн  
д. ф. н. В. А. Дыбо  
к. ф. н. Р. В. Булатова /секретарь/

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

*В. А. ДЫБО, Р. В. БУЛАТОВА*

Настоящая конференция посвящена памяти замечательного лингвиста Владислава Марковича Иллич-Свитыча (1934 – 1966). Она является по счету четвертой<sup>1</sup> и приурочена к 55-летию ученого.

Название конференции не случайно. Хотя прошло почти четверть века со дня гибели В. М. Иллич-Свитыча, его труды и те проблемы, которые его интересовали в сравнительно-историческом языкознании, являются узловыми для современной науки. Более того, они стали такими именно в результате работ В. М. Иллич-Свитыча.

Начало такого бурно развивающегося современного направления компаративистики как изучение отдаленного родства языков было положено Владиславом Марковичем в его трудах по ностратическому языкознанию. Это была первая удачная реконструкция праязыка большой макросемьи.

Успешное решение данной проблемы открыло пути исследователям других макросемей. В настоящее время можно с определенной уверенностью предполагать наличие порядка 10 больших макросемей, к реконструкции праязыков которых приступило или приступает сравнительно-историческое языкознание. Так, по-видимому, можно говорить о на-дене-синокавказской макросемье, в реконструкции праязы-

---

<sup>1</sup> Первая конференция, приуроченная к выходу в свет посмертного труда В. М. Иллич-Свитыча "Опыт сравнения ностратических языков" Т. I. М., 1971, прошла в 1972 г. (см. "Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. 12–14 декабря. Предварительные материалы. М. Наука, 1972, 98 с.). Вторая, приуроченная к выходу II тома "Опыта", проведена в 1977 г. (см. "Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов" М., 1977, 85 с.) и третья конференция состоялась в 1984 г. (см. Чтения памяти В. М. Иллич-Свитыча. – Советское славяноведение №2, 1985, с.120-123).

ка которой получены серьезные результаты (С. А. Старостин, С. Л. Николаев). Сменьшей степенью надежности доказано существование таких макросемей как австрическая, предположенная еще И. Шмидтом. Реальные результаты получены для австро-тайской ветви Бенедиктом, и наличие связи австро-тайской ветви с австроазиатской принимается И. И. Пейросом. По установлению америндской семьи последние результаты получены американским ученым Дж. Гринбергом, а принадлежность к ней семей — чукотско-камчатской, нивхского и алгонкино-ритванской показана О. А. Мудраком и С. Л. Николаевым.

Интенсивную деятельность по установлению целого ряда больших макросемей развил Дж. Гринберг. Помимо америндской семьи, им показана возможность существования так называемой индо-тихоокеанской макросемьи, объединяющей папуасские языки Новой Гвинеи и андоманские языки. По-видимому, на статус макросемей претендуют австралийские языки, кордофанские — Нигер Конго, нило-сахарские и, возможно, койсанские языки Африки.

Претерпела некоторые изменения ностратическая макросемья. О. А. Мудраком был достаточно надежно показан ностратический характер эско-алеутской семьи. С другой стороны, в рамках Ностратического семинара возникли сомнения о прямой принадлежности семито-хамитской семьи к ностратической. Прослеживается тенденция рассматривать семито-хамитские языки как макросемью, родственную ностратической (С. А. Старостин, А. Ю. Милитарев).

Таким образом видим, что поставленная В. М. Иллич-Свитычем проблема уже сейчас выросла в такое разветвленное древо, у которого не исключено появление новых ветвей.

Имеется явная тенденция к хронологическому углублению компаративистских штудий. Так, С. А. Старостин в докладе в Энн Арборе (1988) представил доказательства родственных связей ностратической семьи с на-дене-синокавказской макросемьей. В настоящее время особенно среди американских исследователей наблюдается тенденция к глобальному сравнению языков мира. Это представляется повторением на новом витке того этапа сбора материала, через который в свое время прошел В. М. Иллич-Свитыч (что отразилось в его картотеке). Но он не остановился на этом этапе, ничего не опубликовал, понимая, что действительно продуктивным путем в компаративистике является последовательное сравнение и последовательно углубляющаяся реконструкция.

Другой проблематикой, рассматриваемой на конференции, является акцентология и тонология, в разработке которой был внесен В. М. Иллич-Свитычем существенный вклад. Здесь тоже можно констатировать значительное развитие этих дисциплин за 25 лет<sup>2</sup>. При том, что проб-

лемы, поставленные В. М. Иллич-Свитычем, не только не устаревают, но и получают новое освещение, обретают новые грани. Любопытно, что акцентологические исследования в славистике в последнее время позволили пролить свет на другую проблематику, интересовавшую Владислава Марковича — проблему этногенеза, к которой сам он подходил прежде всего через лексику<sup>3</sup>. Тем не менее остро подмеченное им явление в ряде славянских диалектов, которое в настоящее время получило название "архаизм Иллич-Свитыча", рассматривается сейчас как надежный критерий разделения праславянских диалектов.

Наблюдая за путями развития тех областей науки, которыми занимался В. М. Иллич-Свитыч, начинаешь понимать значение личностного аспекта в творчестве большого ученого. Эти, казалось бы несвязанные между собой направления, где-то в глубинах личности ученого, в его интуиции находились в тесной взаимозависимости, может быть, им самим неосознаваемой.

---

<sup>3</sup> Речь идет прежде всего о труде В. М. Иллич-Свитыча "Лексический комментарий к карпатской миграции славян". — Изв. ОЛЯ XIX, № 3, 1960. В последние годы идеи, высказанные В. М. Иллич-Свитычем в указанной работе, получают реализацию в труде международного коллектива ученых "Общекарпатский диалектологический атлас", первые выпуски которого уже опубликованы. См. также его известное выступление на Московском съезде славистов ("IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии" Т. 2. Проблемы славянского языкознания М., 1962, с. 436—437).

<sup>2</sup> Со времени выхода книги В. М. Иллич-Свитыча "Именная акцентуация в балтийском и славянском" М., 1963.

В.Н. Топоров (Москва)

## НОСТРАТИКА, ГЛОССОГЕНЕТИКА, ЭТИМОЛОГИЯ ФИЛОСОВОВ И ПОЭТОВ

I. В течение четверти века ностратика определилась как особая отрасль сравнительно-исторического языкознания и в отношении ведущих принципов и в отношении основной массы конкретных результатов. Решив многие лингвистические задачи, она в ходе своего развития выдвинула новые задачи – как общего характера, так и весьма конкретные. Фундамент здания заложен, первые этажи возведены и уже заселены, строительство продолжается, но все это как бы внутреннее, домашнее дело ностратики.

II. Тем не менее ностратикой (и тут не надо быть пророком) неизбежно должны заинтересоваться и извне. Определять всех "внешних", кому было бы полезно учесть результаты ностратических исследований, нет смысла, но две области все-таки заслуживают упоминания в этой связи – на наших глазах интенсивно формирующаяся глоссогенетика и получающая статус некоего неоспоримого и самодостаточного принципа философская и мифопоэтическая этимология, которая и по отбору исследуемых слов и по самой цели исследования заслуживает названия "онтологической", ибо вся она обращена к сущему и сути. Общее между этими двумя областями именно в ориентации на суть, в интересе к основе – как она возникает и складывается (исторический аспект) и как она устроена и функционирует (логический аспект). Глубинная связь исторического и логического опознается в их общих корнях, в органике "креативности" – некогда, в начале сотворенного и постоянно воспроизводимого, вечно творимого. Эта проблема применительно к названным областям совсем не разработана, и данные ностратических исследований могли бы оказаться тем редостением между ними, которое не только соединяет столь разные области, но и бросает луч света в обе стороны, выхватывая из тьмы и неопределенности новые и все более разнообразные типы схождения, за которыми зревают общие условия и/или принципы. Такая роль ностратики определяется ориентацией на очень обширный и разнообразный материал, позволяющий реконструировать языковую макросемью, сильно углубляющую хронологический горизонт наших знаний о языке (во-первых), и настоятельно возникающей необходимостью семантических реконструкций, относящихся совсем к иному культурному универсуму, чем тот, отражения которого обнаруживаются в Древнем Египте, Малой Азии, Двуречье, Индии, Китае или Сибири (во-вторых).

III. В этой перспективе уместно обращение к некоторым условно называемым "первообразными" элементам языка, которые во всяком случае должны быть признаны ключевыми с точки зрения как глоссогенетики, так и философии языка. К особенностям этих элементов относятся их "основонесущая", строительная функция, их категориальная отменность, более непосредственный характер отсылки к внеязыковой сфере и к тому, что можно назвать *locus nascendi*, конкретнее – к человеку и не только (может быть, и не столько) в его гуманитарно-культурном, но и в естественно-природном, еще уже анатомически-физиологическом аспекте, к телу. Показательно, что в подавляющем большинстве случаев эти элементы из числа этимологически "темных". Среди подобных элементов особое внимание должно быть уделено пространственным индексам (предлоги, превербы, послелого), в значительной степени моделирующим тело и его состав, числительным, местоимениям – личным и указательным прежде всего, разным деиктическим показателям, с ними связанным, глаголу "чистого" бытия, отдельным грамматическим формантам и даже некоторым звеньям парадигм и категориям.

IV. Возможности самой ностратики, как и глоссогенетики и философской и мифопоэтической этимологии, в определении существенно более ранних смыслов перечисленных "первообразных" элементов и в отдельных случаях даже внеязыковых условий, в которых произошло "рождение" этих элементов, никак нельзя признавать исчерпанными. Предлагается несколько реконструкций–гипотез, главное в которых – указание внеязыковых условий, в которых могли возникать подобные элементы. Естественно, что проблема доказательности приобретает иной вид, чем в этимологии классического типа. – 1. Обозначение числительных 1-го десятка с точки зрения их внутренней формы, отсылающей к внеязыковой ситуации. Существенные дополнительные источники реконструкции – названия элементов счетного ряда во всей их целостности и неоднородность его частей, каждая из которых объединена некоей общей тенденцией: связь 2–4 с основными параметрами макро- и микрокосма и предустановленными условиями их восприятия; "всходящий" семантический ряд 5–7 с особым вниманием к *\*septm*, объясняемым через связь с и.-евр. *\*sep-* (ностр. *\*zap 'a*), кодирующим идею овладения целым (в целом), достигнутого совершенства, "сакрального". – 2. Глагол бытия (и.-евр. *\*es-*) как обозначение чистой местообразующей функции в духе платоновской *χωρα*: место как пространство, где нечто выступает как "непотаянность" (Гейдеггер), являясь как сущее, как истина (*ἀληθεία*), как благо (и.-евр. *\*sont-*). Семантическая реконструкция nostr. *ʔesa* как "быть на месте", "осесть на месте" (Иллич–Свитыч) в этом контексте особенно примечательна. – 3. Ядро парадигмы личн. местоим. 1 л. *\*egʔh-om: \*men-* – из синтагмы *\*egʔh-om & \*men-* (ср. nostr. *\*mi-* лл, косв.) "вот–здешность *\*men-*" как реализация местообразующей потенции. Если и.-евр. *\*tū 'ты'* (2 л.) через семантику частицы *tū* (ср. ведийск.) и, вероятно, *\*tū-*, *\*tū-* отсылают к идее внешней силы, возрастания, прибывтка (сфера *\*bhū-*), то обозначения 1 л. обнаруживают тенденцию к мотивировке со стороны более "тонких", внутренних движений – от "тела" (ср. некоторые тюркские языки и др., особенно в возвратных местоимениях) к "душе", "жизненной силе"; "ментальной субстанции" и иным метафорам спиритуали-

зированной "тела", в связи с чем ср. "местоименные" потенции др.-инд. *mānas* или др.-греч. μένος (ср. μένος 'Екторос' = 'Ектор') и специально "первичные" их предрасположенности. "Говорение-мышление" (\**men*) как предикат Я и его семантическая мотивировка. "Cogito ergo sum" или "Ego (sum) propter cogito" (Я и сфера \**es-*), ср. идущую от Гегеля и не раз обыгранную Гейдеггером глубинную связь *mein* – *meinen*. Роль аффективно-эмоционального компонента языка в формировании "Ichgefühl" и "Ichbegriff" и "тонких" ментальных движений в поэтическом творчестве (μανία в "Федре") в контексте тезиса о "первоговорящем" Я как поэте по преимуществу и творчестве как умирании, опустошении. Ментальный \**men*-комплекс объясняет Я именно через говорение-мышление, через слово-мысль, которые и есть единственное дело "перво-поэта". Такое Я, опустошенное от всего вещественного и позволяющее говорить об идеальном тождестве с самим собой, имеет особые преимущества в отношении того, что вещественно и различно. Поэтому оно и основа-центр языка и ведущий принцип самой философии, о чем писал уже Шеллинг.

А.С. Мельничук (Киев)

## О ЕДИНСТВЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКОВ МИРА

Вопрос о всеобщих генетических отношениях языков мира требует углубленного исследования. Его успех может быть обеспечен при соблюдении двух методологических условий: надлежащего учета результатов сравнительно-исторического изучения языков отдельных семей и выработки новых, адекватных объекту подходов к всеобщему сравнительно-историческому изучению языков мира. В течение всего периода языковой эволюции от начального праязыка могли иметь место явления и процессы, не характерные для последних тысячелетий развития языков отдельных семей. Некоторые особенности языковой структуры древнейших эпох сохраняются в языках нынешних языковых семей в виде реликтов или поддающихся сравнению рефлексов, которые остаются на периферии современных сравнительно-исторических построений и до сих пор не привлекали к себе внимания в качестве проявлений генетического единства языков мира. К числу таких реликтов и рефлексов следует отнести функциональный параллелизм в структуре семантически близких корней различных согласных, объединяющихся по признаку места артикуляции, образованием семантически близких двухсогласных корней путем метатезы их согласных компонентов, функциональный параллелизм всех гласных компонентов (включая нулевой) в структуре корня и функционирование четырех сонорных согласных в качестве инфиксов. В сфере лексической семантики следует учитывать обширные, далеко расходящиеся, но внутренне последовательно связанные семантические массивы, охватывающие тождественные корни и их структурные варианты.

При учете указанных фактов выделяются большие этимологические комплексы, состоящие из нескольких типов корневых вариантов с родственной семантикой, более или менее отчетливо, в зависимости от степени

сохранности в языках звукового состава унаследованных корневых вариантов, повторяющихся по всем языковым семьям, кроме палеоафриканской (койсанской), в которой соответствующие корневые единицы имеют более элементарный характер. Один из таких этимологических комплексов, охватывающий большой круг связанных между собой значений 'бить, уничтожать, стрелять, метать, валять, катить, долбить, копать, рубить, прокалывать, резать, раскалывать, рвать, кусать, есть, печь, гореть, болеть, скрести, чесать, скоблить, острить, тереть, дробить, молотить, топтать, тушить, скакать, падать', включая значения орудий и продуктов соответствующих действий ('камень, топор, нож, меч, стрела, игла, зуб, коготь, острие, вершина, гора, утес, челн, сосуд, дыра, рана, труп, мясо, внутренности, кость'), состоит из двух согласных, принадлежащих к группе k (g, x, H и др.) и к группе t (d, c, dz, č, dž, s, z, š, ž и др.) в любой последовательности, без корневой огласовки, с огласовкой в виде любого гласного или с одним из четырех инфиксов (r, l, m, n). Основные типы корней этого комплекса в обобщенном виде имеют форму kt, ket, kRt, tk, tek, tRk, где e – любой гласный, а R – любой сонорный. Из многих примеров дальше приводится в основном по одному на каждый тип корневых вариантов этого этимологического комплекса из каждой языковой семьи.

Индоевропейская семья: греч. ξέω 'скоблю', др.-инд. *kaśūh* 'острый', лит. *kašīti* 'чесать', прасл. \**skrebtī* 'скрести', лат. *seco* 'срезаю, стригу, раскалываю, секу, бичую', др.-инд. *śka-* 'острие'.

Урало-алтайская семья (объединяется в целях экономии места): тюрк. *кыт* 'отрезать; часть; сторона', фин. *kasta* 'валить, вырубать', монг. *хэрчих* 'крошить, разрубить на кусочки', фин. *karsia* 'обрубить, обрезать', тюрк. *тыбын* 'пронзить, разрезать', яп. *togu* 'точить, шлифовать', тюрк. *тапта* 'чесать', тунг.-маньчж. *дэлки-* 'раскалывать'. Сочетания согласных типа kt, tk в урало-алтайских языках подверглись упрощению.

Афразийская семья: араб. *iqtaṭṭa* 'резать, подрезать', *kadama* 'кусать; ушибать', *qartama* 'обрезать кончики, откусывать', зап.-чад. *sk-* 'пахать', араб. *taqaba* 'продырявливать, пробивать, протыкать, пронзать', зап.-чад. *čungA* 'копье, мотыга'.

Африканские языки: суах. *-kata* 'резать, отрезать, рубить, отсекасть', *kereza (keleza)* 'пилить, обтачивать', *-tekuu* 'пробивать, разбивать, ломать, вышибать; разрушать; подкапывать', *-changa* 'разрезать, рубить; испытывать боль'. Сочетания согласных типа kt, tk в языке суахили упростились.

Кавказские языки: груз. *ksakswa* 'распылить, раздробить', лезг. *куйткунун* 'крошить, кромсать, рубить, резать', чеч. *гирэ* 'чесотка', груз. *тара* 'рыть, копать', каб. *такэ(л)ыр (макэлыр)* 'ком, кусок', чеч. *сурхат* 'заноза, стружка'.

Дравидийская семья: там. *katuvu* 'захватывать; срезать; строгать; сдирать', *hinṭu* 'тыкать; разгребать (о курице); вскапывать', *takar* 'разбивать на куски, ударять, бить рукой, толочь, разрушать', *ṭoṅku* 'отверстие, полость'. Сочетания типа kt, tk в дравидийских языках фонетически невозможны.

Аустроазиатская семья: кхм. *kda*: 'буравить, просверливать отверстие', *kat* 'резать, рассекасть, кроить', *kuntouk* 'точило', *chka*: 'поднимать целину,

распахивать вновь, расчищать<sup>2</sup>, *sak* 'вонзать, зарезать; втыкать, всовывать', *ɛʔkik* 'толкать, бодать'.

Аустронезийская семья: индонез. *keduk* 'черпать, копать, ковырять; скрести; загребать', *kunta* 'копье', *takang* 'делать зарубку, насекаль, проводить борозду', *singgit* 'тереть, натирать'. Сочетания типа *kt*, *tk* фонетически невозможны.

Тайская семья: тайск. *kut*<sup>1</sup> 'отрезать, ампутировать', *tək*<sup>1</sup> 'отделяться, откалываться, разламываться; трескаться, лопаться; раскалывать; размельчать', *sak*<sup>1</sup> 'втыкать, вонзать; татуировать, накалывать; пест; шершавый, грубый'. Остальные типы фонетически невозможны.

Тибето-китайская семья: кит. *kua* (< др.-кит. *kwat*) 'строгать, скоблить, скрести', *kie* (< др.-кит. *kad>kāi*) 'межа; чесотка, чесаться, зудеть', *tsb* (< др.-кит. *ts'ak*) 'точильный камень, напильник, рашпиль', *si* (< др.-кит. *siek*) 'раскалывать, расщеплять', возможно, также *tung* 'ударить, проколоть' и т.п. Другие типы в китайском подверглись фонетическому разрушению.

Палеоазиатские языки: чук. *кытмэл* (диал. *кп-*) 'коса (волос)', эск. *атака* 'выбрасывать', нивх. *хыздь* 'копать, рыть', *кари (харш)* 'лопата', *ч'хас* 'кол', эск. *туга́цақа́* 'долбить, прорубить', нивх. *тулкс* 'яма'.

Американские языки: вак. *kʔ* 'косить траву; ткать, используя полоски ч.-л.', микм. *gesiteg* 'поранить', кеч. *khúslai* 'скоблить, скрести, стричь овец', вак. *kʔmi* 'делать зарубки', винту *kʔarca* 'царапать; делать знак; чиркнуть спичкой', одж. *takkom* 'кусать', кеч. *sákktai* 'толчение, размол'. Вариантов типа *tRk* не обнаружено.

Австралийские языки: *gidgill (gidji)* 'копье', *kalti* 'копье', *kaltin* 'копать', *dak* 'хватать, кусать, ломать', *darrk* 'кусать, есть', *djargi* 'резать, рубить', *djanggu* 'мясо, тело; приманка, наживка; мышечная ткань'.

Наличие во всех перечисленных языковых семьях одного и того же этимологического комплекса, состоящего из многих фонетически соответствующих корневым вариантам, которые объединяются в шесть одинаковых для каждой семьи обобщенных формальных типов (кроме случаев фонетического упрощения некоторых типов в отдельных семьях), свидетельствует о происхождении всех этих языковых семей из единого в далеком прошлом праязыка, за которым целесообразно сохранить название ностратического. В отличие от ностратических, палеоафриканские (иначе койсанские, т.е. бушменоготтентотские) языки в соответствии с корнями приведенного этимологического комплекса обнаруживают фонетически родственные корни более простого, явно архаичного состава, состоящие из одного согласного (группы *k* или группит), которому, как правило, предшествуют различные кликсы, причем качественные различия произносимых в таких корнях гласных нередко оказываются лишними какой-либо семантической нагрузки. Таковы бушм. *!ku* (!u, !kóa, !kwa) 'кость', *!kaa* 'грызть, глотать', *!kwa* 'ломать', *!ké* (!kau, !ko, !ka) 'резать', // *koa* 'ломать; убивать', *xa* 'стрелять', *taa* 'острый', *tʔa* 'резать' и др. Подобные факты дают основание рассматривать ностратический и палеоафриканский праязыки как две родственные языковые ветви, возникшие на основе единого начального праязыка человечества и развивавшиеся в дальнейшем различными путями и неодинаковыми темпами.

## МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ОТДАЛЕННОЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ

Долгое время одним из решающих показателей генетического родства языков считалась материальная общность их морфологической системы, как правило, не заимствуемой и не подверженной экстралингвистическим воздействиям. В частности, о значении данного критерия для сравнительно-исторического исследования северно-кавказских языков писал в свое время Ж. Дюмезиль (1937).

Разыскания последних лет, касающиеся различных макросемей, в большинстве случаев не учитывают данных морфологии и базируются на словарных сходжениях и реконструируемых на их основе фонетических системах праязыковых состояний. Более того, отдельные исследователи предполагают отсутствие в праязыках "второго порядка" какой бы то ни было морфологии (например, Андреев 1986).

Заслуживает в связи с этим внимания и такой факт: падежные форманты нахско-дагестанских языков соответствуют глагольным префиксам абхазско-адыгских (см., например, Абдоков 1981), что как будто должно означать их бывшее функционирование в виде самостоятельных морфем.

О трудностях, связанных с верификацией морфологических реконструкций на уровне макросемей свидетельствует возможность материального отождествления практически всего инвентаря служебных морфем, восстанавливаемых для ностратического уровня (см. Дыбо, Терентьев 1984), с обшедагестанскими морфологическими архетипами, ср. — *Ø* (субъективно-объектный падеж), — *n* (родительный падеж), — *na* (локативно-направительная частица), — *da* (локативно-аблативная частица) и др.

Отмеченные факты могут привести к выводу о принципиальной невозможности реконструкции морфологии праязыковых состояний при отдаленном родстве языков, однако скорее здесь сказывается отсутствие полноценных сравнительно-исторических грамматик языковых семей, образующих ту или иную макросемью.

Е.А. Хелимский (Москва)

## УРАЛЬСКИЙ КОНСОНАНТНЫЙ АУСЛАУТ ~ ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ГЕТЕРОКЛИЗА?

Излагаемые здесь наблюдения касаются достаточно редких и с уральской стороны, и с индоевропейской стороны типов основ, чем предопределены ограниченность ностратического сравнительного материала и проблематичность выводов.

Предметом обсуждения являются фонетические особенности следующих двух известных ностратических сравнений:

(1) И.-е. \**ǵed-* 'вода', урал. (согласно традиционной реконструкции) \**wete*, алт.: тунг. \**ǵǵǵǵ(n)* 'дождь', драв. \**ǵta/veta* 'влажный', ? с.-х. \**wd-* 'влажный, поток' (Смычн. 2.17; Матер. 334).

(2) И.-е. \**ǵhes-* 'рука', урал. (традиц. реконстр.) \**käte*, драв. \**kas*, ? с.-и.: омот. \**kǵ*, аккад. *kāb-um* (ОС № 80; Долг. Куш. 306).

В связи с индоевропейскими и уральскими членами этих сравнений обращают на себя внимание некоторые специальные обстоятельства.

а). С уральской стороны представлены основы, которые, как нам удалось показать ранее, должны реконструироваться с согласным в ауслaute — \**wet*, \**kat* (Хелимский Е.А., в кн.: *Balkanica — Лингвистические исследования*, М. 1979). Основанием для реконструкции консонантного ауслauta (представленного, по-видимому, в нескольких десятках уральских и финно-угорских односложных именных основ) служат: "усеченная" (в действительности первичная) форма основы партитива в прибалтийско-финском (ср. фин. *vesi*, Part. *vet-tä* и *käsi*, Part. *kää-tä*); корневое чередование долгот в венгерском (ср. венг. *víz*, Acc. *víz-et* и *kéz*, Acc. *kez-et*); отсутствие каких бы то ни было следов ауслautного гласного или связанных с ним умлаутных явлений в остальных финно-угорских и самодийских языках.

б). С индоевропейской стороны представлены один "классический" пример гетероклизы \**ǵet-(o)r*, \**ǵet-n(t)-* (ср. греч. *hýdōr*, *hýdatos*, хетт. *uatar*, *uetenakš*) и один случай, в котором наблюдаемые рефлексy \**ǵhes-(o)r*, \**ǵhes-to-* позволяют предполагать отражение древнего гетероклитического имени (ОС № 80).

в). В названии руки имеет место аномальное соотношение вторых согласных (и.-е. \**s*: драв. \**c*: урал. \**t*). Предлагались решения этой проблемы путем вывода из сравнения и.-е. слова (Матер. 362) либо путем предположения о специфическом развитии исходного \**ǵi* (ОС № 80).

Представляется, однако, что положение об универсальной единой структуре ностратического корня SVC(C)V является такой же необязательной условностью, как и аналогичное положение в уралитике (ср. Helimski E. — Сов. финно-угроведение XX/4, 1984, с. 247–249). Отказываясь от постулата об обязательности вокалического ауслauta, мы вправе предложить реконструкцию ностр. \**wet* 'вода' (вместо \**weta*) и ностр. \**ǵäč* (где *č* = *ǵ* или *ǵ*) 'рука' (вместо \**ǵäǵi*), считая, что:

а). Прауральские консонантные основы непосредственно восходят к ностратическим консонантным основам.

б). Возникновение гетероклитического типа основ в индоевропейском по крайней мере частично связано с определенным преобразованием исходных консонантных основ, не распространившимся на вторичные (возникшие после утраты ностратического гласного второго слога) консонантные основы.

в). Развитие \**č* в ауслautной позиции было нормальным в индоевропейском (> *s*) и дравидском (> *c*), тогда как для уральского следовало бы постулировать переход \**ǵ* > \**k*. Такое предположение не противоречит другим данным (корни или аффиксы конца слова, оканчивающиеся аффрикатами,

в уральском неизвестны) и хорошо объяснимо: недопустимость двух подряд согласных в ауслaute — особенность уральской фонотактики, хорошо сохраняемая в финском и в ряде самодийских языков, — могла сочетаться с ограничением на употребление в ауслaute аффрикат (с утратой конечными аффрикатами второго, ффрикативного компонента).

г). Двусложность тунг. \**ǵǵǵǵ(n)* 'дождь' и драв. \**ǵta/veta* 'влажный' (ср. односложность драв. \**kas* 'рука', на которую, по-видимому, указывает развитие \**c* > \**j* в тамил. *kai*, кота *kaj*, тогда *koj* и др.) не может считаться показательной уже потому, что семантическая производность их значений от ностр. \*'вода' с высокой вероятностью свидетельствует о словообразовательной производности.

д). Реконструкция в названии руки ностр. \**č* (вместо \**t*) сама по себе хорошо согласуется с омот. \**kǵ*; тем не менее, семито-хамитские параллели в данном сравнении остаются крайне проблематичными в фонетическом отношении (В.Э. Орел, устное сообщение) и могут быть сохранены лишь ценой предположения о сложных взаимодействиях признаков глоттализации и аффрикации.

Другие ностратические сравнения с участием уральских и индоевропейских именных основ, в которых присутствуют признаки уральского консонантного ауслauta, не опровергают, насколько нам известно, сделанных выше предположений, а отчасти могут служить их косвенным подтверждением. Речь идет, в частности, о сравнении урал. \**sen* (традиц. реконстр. \**sōne*) 'жила' с и.-е. \**snēh-*, \**snēh-* 'скручивать, прять' (гетероклиза в производном имени \**snēh-u-r/-n-* 'жила', ср. др.-инд. *snāvan-*, авест. *snāvars*; однако предполагаемый Schwebelaut и расширитель *-u-* в индоевропейском препятствуют прямому сравнению), см. Матер. 341. С обеих сторон создает фонетические трудности сравнение урал. \**nim* или \**nime* 'имя' (венг. *név*, Acc. *nev-et*, но фин. *nimi*, Part. *nime-ä* и др.-перм. *nim-j-*) с и.-е. \**ne/o)-n(o)m-n* (в рефлексации точки соприкосновения с гетероклитическими именами, см. Arbeitman Y. — *Zschr. f. vergl. Sprachforschung* 90/1–2, S. 145–148), см. ОС № 317. С и.-е. \**pol-* 'половина, сторона' можно сравнивать как урал. \**pel* (трад. реконстр. \**pēle*), так и урал. \**pāā*, \**pōla* с теми же значениями, см. Смычн. 10.14; Матер. 356.

Сокращения Долг. Куш. — Долгопольский А.Б., Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков, М. 1973; Матер. — Иллич-Свитыч В.М., в кн.: Этимология 1965, М. 1967; ОС — Иллич-Свитыч В.М., Опыт сравнения ностратических языков, тт. 1–2, М., 1971, 1976; Смычн. — Иллич-Свитыч В.М., в кн.: Этимология, 1966, М., 1968.

В.Я. Порхомовский (Москва)

#### ТИПОЛОГИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В БЕСПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Выделение заимствованной лексики, определение направления и источника заимствований является одной из центральных проблем в процедуре

ИЗ СЕМИТО-ХАМИТСКИХ ДОПОЛНЕНИЙ  
К НОСТРАТИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ

лексической реконструкции. Особенно сложной эта проблема становится в случаях обширных ареалов с большим количеством языков, не имеющих длительных письменных традиций, поскольку обычно используемые в сравнительно-историческом языкознании методы анализа заимствованной лексики по разным причинам часто не дают здесь желаемых результатов. Классическим примером подобной ситуации является Африка южнее Сахары.

Тем важнее оказываются в этих случаях различные внешние данные, в т.ч. и структура двуязычия, в соответствующих ареалах. Для регионов с высокой степенью этно-языкового разнообразия характерно широкое распространение индивидуального двуязычия и многоязычия. При этом в плане анализа языковых контактов существенными являются функциональные характеристики двуязычия. Здесь можно выделить два основных типа: 1) нормальное, или полное, двуязычие; 2) распределенное двуязычие.

В первом случае билингв выбирает язык общения в зависимости от ситуации контакта, т.е. этно-языковой принадлежности собеседника, при этом функциональная нагрузка (т.е. уровень и сфера коммуникации) большого значения не имеет. Иными словами, возможно использование любого из доступных языков для любых функциональных целей. Разумеется, степень владения вторым (третьим и т.д.) языком может сильно варьировать. Случаи ограниченной компетенции во втором (третьем и т.д.) языке можно выделить в особый подтип частичного двуязычия. Существенным и здесь остается отсутствие определяющей роли фактора функциональной нагрузки.

Напротив, распределенное двуязычие характеризуется довольно жесткой зависимостью выбора языка общения от функциональных характеристик коммуникации, т.е. различные языки, которыми владеет билингв, включая и его родной язык, распределяются в соответствии с разными коммуникативными сферами и функциями. В предельных ситуациях это может приводить к тому, что носитель распределенного двуязычия не владеет ни одним языком, в т.ч. и родным/первым, в полном объеме, т.е. охватывающем все или почти все сферы и уровни коммуникации, представленные в соответствующем социуме. Именно для этого последнего случая удобно использовать термин *полуязычие* (*semilingualism*).

Естественно, что распределенный билингвизм может приводить к массовым заимствованиям обширных пластов лексики, особенно как результат вытеснения каких-либо конкретных вариантов массового распределенного билингвизма вследствие изменения коммуникативной ситуации. В докладе рассматривается с этой точки зрения ситуация в Западной Африке, где проблема заимствований особенно сложна. Лексические схождения между языками разных групп часто настолько велики, что позволяют высказывать взаимоисключающие гипотезы о генетических связях языков этого региона, например, манде, сонгаи, чадских и др. С другой стороны, этно-социальные факторы способствуют распространению в Западной Африке распределенного двуязычия, что и могло явиться одной из основных причин возникновения некоего "общезападноафриканского" лексического слоя.

1. Ностр. \**nāʕV* 'влажный' (Опыт 2, 87). Приводимый здесь семитский материал фонетически несовместим с берберским и чадским, указывающим на исходное \**s*, и должен быть элиминирован. С другой стороны, следует добавить омот. \**nešū* 'сезон дождей': омото *neuša*, ямма *yešū*. Итоговая реконструкция – ностр. \**nāʕV*.

2. Агав. \**zu(H)w-* 'дождь; течь' (билин *zūwaa*, *zuw-*, хамир *zoowaa*, *zoow-*, хамта, квара, дембья, кемант *suwaa*, *sowa*) и могогодо *soho* 'дождь', а также з.-чад. \**zaw-* 'вода, дождь' (Столбова 191; частично – Долгопольский СФКЯ 100) указывают на с.-х. \**zuH(o)-*, которое, видимо, можно сопоставить с и.-е. \**seu-*, \**sū-* 'влага; идти (о дожде)' (Рокоту 912–913). Предположительный источник – ностр. \**zuH-* с вероятным развитием ностр. \* з.-и.-е. \**s-*.

3. Ностр. \**sem(H)V* 'глотать, пить' (Материалы 335, с исправлением \**s* на \**s* в реконструкции). Сюда могут быть отнесены з.-чад. \**simu-* 'есть' (габин *simi*, бока *āšimi*, килба *sūm-*, бура *sēsūma*, мунжук *simi*) и егип. *scm* 'глотать' (с метатезой ларингала), если последнее не является, как обычно считают, каузативом на *s-*.

4. Ностр. \**dīqV* 'земля' (Опыт 1, 220; см. также наши дополнения в ВЯ, 1988, № 5). Сюда же следует отнести агав. \**daḳu-* 'глина (квара *daxʕa*) и беджа *dekʕa* 'пыль', а также берб. \**dVḳḳ-* 'глина' (сус *idḳḳi*).

5. Галла-сом. \**carr-* 'почва, земля' (сом. *carro*, рендилле *harrā*) может служить соответствием и.-е. \**ar(H)o-* 'простор' (лат. *ārea* и под., см. Walde 42) и продолжать ностр. \**harH-*. О северокавказской параллели см. Старостин. – Древний Восток, 1989, 130–131.

6. З.-чад. \**ar-* 'возделывать землю' (ангас *ʕr*) может соответствовать и.-е. \**arə-* 'пахать' (Рокоту 21) и тем самым продолжает ностр. \**ar-*.

7. Ностр. \**naʕo* 'свойственница' (Опыт 2, 81–82). Вероятно, сюда же следует отнести и галла-сом. \**nīl-* 'жена, женщина' (сомали *niti*, *niiti*).

8. Агав. \**cār-* 'быть белым' (хамир *ḥar-*, хамта *ḥaar-*) точно соответствуют урал. \**cōra* 'светлый, белый, серый' (реконструкция – по Материалам, 363) и указывает на ностр. \**ḥo(H)rV*.

9. Ностр. \**ḡVmV* 'темнота, ночь' (Опыт 1, 241). К семитским данным следует добавить вараз. \**gum-* 'черный' (цамай *gum-a*) и могогодо *kumbi*, указывающие на с.-х. \**ḡum-*. Соответственно, и ностратическая реконструкция может быть уточнена как \**ḡumV*.

10. Ностр. \**Ḳä/ḲH/ä* 'язык' (Опыт 1, 346–347). Сюда же относится в.-чад. \**Vl-* то же (кабалай *kälä*, dorma *kele-ne*, габри *kele-nān* 'мой язык').

11. Ностр. \**kūlV* 'мерзнуть, холод' (Опыт 1, 304). Вероятно, к этому же корню принадлежит и в.-чад. \**kal-* 'холод' (кванг, габри *kāl*, нанчере *kaḷe*, леле *kälō*). Труднообъяснимым остается расхождение в вокализме, ср., однако, и.-е. \**gel-*.



12. Ностр. \**kijǝV* 'сгибаться (в суставах)' (Опыт I, 304). Сопоставим с в.-чад. \**kun-* 'гнуть' (тумаг *koj*).

13. Ностр. \**Kilǝ* 'община, род' (Опыт I, 362–363). Вопреки В.М. Иллич-Свитычу, правильным соответствием является галла-сом. \**kol-* 'племя' (сомали *golo*). К тому же корню относится в.-чад. \**kul-* 'человек, люди' (мокилко *kilé*, кабадай *kálǝy*).

14. Ностр. \**KitV* 'связывать' (Опыт I, 312). Семито-хамитские параллели представлены в сем. \**Vcat-* 'связывать' (араб. *qat*, -*a*) и в в.-чад. \**Vt-* то же (мокилко *kett*). Ввиду урал. \**kiik-e-*, где второй *-k-* может восходить к инлаутному \**c-*, допустима реконструкция ностр. \**KitVc*.

15. Ностр. \**katV* 'рождать(ся)' (Опыт I, 335–336). Приводимый семито-хамитский материал должен быть отклонен, за исключением кушитского – джанджеро *qǝn* 'рождать'. С другой стороны, сюда следует добавить ц.-чад. \**kwǝn-* 'зачинать' (тера диал. *kwǝna*). Семито-хамитский материал может указывать на исходное \**o*.

16. Ностр. \**karV/ kurV* 'журавль' (Опыт I, 292–293). Наряду с семитским, имеется и центрально-чадский материал – ц.-чад. \**kurak-* 'голубь' (нзанги *kurku-te*, гуду *kurku-w*, ламе *kògòku*, *kuruk*, мбара *kūrǝkáy* 'франколин').

17. Ностр. \**Hanga* 'разевать (рот)' (Опыт I, 244–245). Сюда же относится в.-чад. \**Hang-* 'открывать' (кабадай *hangǝ*).

18. Ностр. \**kojǝa* 'кожа, кора' (Опыт I, 299–300). К этому корню принадлежит также в.-чад. \**Vyu-* 'кора' (кера *kǝyǝ*).

19. Ностр. \**bor'a* 'бурый, серо-коричневый' (Опыт I, 183–184). Наряду с кушитскими формами, приведенными в словаре, сюда же можно включить ц.-чад. \**bwǝnar-* 'серый' (мусгум *bwǝra*). Кушитский и чадский указывают на семито-хамитский источник со срединным ларингалом – \**boHVr-*.

20. Ностр. \**ǝVcmV* 'есть' (Опыт I, 211–212). Практически весь семито-хамитский материал, приведенный в статье, не может быть привлечен к сравнению по фонетическим причинам. Взамен этого материала следует ввести в данное сопоставление з.-чад. \**ǝam-* 'пробовать на вкус' (Столбова 193) и сохранить в.-чад. \**ǝam-* 'есть' (муби *ǝǝm*).

Ж.Ж. Варбот (Москва)

### ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА

Этимологический анализ слова, направленный на выяснение его генетических связей в лексике соответствующего языка, всегда предполагает ориентацию на известные системы языка (фонетическую, словообразовательную, лексическую) и помещение анализируемого слова в эти системы, как в систему координат.

Результатом этимологического исследования славянской лексики является реконструкция праславянского лексического фонда, который в ге-

нетическом плане представляется совокупностью трех множеств: множества лексем, организованных, как собственно праславянские образования, в праславянские этимологические гнезда, множества лексем, унаследованных от дославянского языкового состояния (частично входящих как производящие основы в первое множество) и множества заимствованных лексем. Вероятность принадлежности той или иной лексемы к одному из этих множеств, а внутри первого – к тому или иному гнезду, различна. Но всякое толкование отдельной лексемы вводит ее в определенные отношения внутри множества. Соответственно, по мере возрастания степени этимологической изученности славянской лексики, пересмотр этимологического решения относительно праславянского слова или введение в реконструкцию праславянского лексического фонда новой лексемы все более настоятельно требуют пересмотра генетической ориентации той лексики, которая ранее связывалась с этой лексемой или оказывалась в ее ближайшем структурном или семантическом окружении. Весомость новой этимологической версии зависит от ее объяснительной способности, которая проявляется и в широте охвата лексики.

При всей обобщенности функций словообразовательных моделей, есть определенная избирательная связь между лексической семантикой и словообразовательной моделью, обнаруживающаяся в повторяемости той или иной модели в пределах этимологического гнезда. Эта повторяемость может быть использована как одна из структурных координат при реконструкции генетического окружения лексем.

Относительно русского (др.-рус. и диал.) названия выступающих костей суставов: др.-рус. *моклок* 'торчащая от худобыкость (особенно бедренная)', диал. *моклок* 'головастая кость', *моклок*, *моклѣк* 'голеностопное сочленение', *маклок* 'выступающая кость (таза, бедра)', *макляк* 'головка бедренной кости', *макѣлка* 'сустав пальца', существует версия о происхождении из праслав. \**moǝl-* (от \**motati*), параллельного \**moǝsl-* > *мосол*. Однако при наличии праслав. \**ǝlks/a* (рус. диал. *колк* 'костяной комель под рогом быка и коровы', ц.-слав. *кѣкълѣ* *roples*, болг. *кѣлка* 'бедро', словен. *kǝlk* то же, чеш. *kelka* 'хвост (олени, лани); культя'), восходящего к и.-е. \**(s)kel-* 'сгибать' (греч. *σκελεος* 'бедро'), более правомерно, кажется, толковать *моклок* как архаичное префиксальное производное \**moǝl l(ǝ)kǝ* от *kǝlkǝ/a*. В *макло* 'бедро', возможно, сохранена та же основа без расширения *k*. Это толкование позволяет ввести в то же этимологическое гнездо (как структурно близкие производные) рус.диал. *мыщелок* 'боковая косточка около большого пальца ноги', *мыщелка* 'выступающая часть кости; место сгиба пальца руки' и *щиколка*, *щиколотка*, которые объясняются в таком случае как образования с архаичными префиксами \**ny-ǝǝl(ǝ)kǝ/a* и \**ǝi-kǝlka* от той же основы с вариантносью \**ǝl k-* / \**ǝǝl k-*. Для *мосол* в соответствии с этой версией предлагается объяснение из \**moǝskǝlkǝ* (> рус. \*\**москолк* > \*\**мосолк* > *мослок/мосол*).

Заслуживают внимания польск. *кѣк* 'фаланга сустава пальца' и рус. *кѣк* 'шарнир дверной петли', которые обычно генетически отождествляются с \**ǝlykǝ* 'зуб, росток', но семантически явно тяготеют к \**ǝl kǝ*. Представлена ли здесь омонимия производных двух разных гнезд или это отражение генетического тождества лексики, традиционно распределяемой между и.-е.

\*skel- 'резать' и \*skel- 'сгибать'? Ср. еще структурную и семантическую близость праслав. \*nakъlo, zakъlo, обозначающих излучины рек, отроги оврагов, выступающие (или вдающиеся) земельные участки (возводимых к праслав. \*kolti), и рус. макло 'бедро' (к \*kъlkъ, см. выше).

А.Е. Супрун (Минск)

## РЕФЛЕКСЫ ПРЕКОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ ТИПА \*OR- В ПОЛАБСКОМ

1. В полабском представлено свыше 70 морфем с сочетаниями \*or-, \*-er \*ol-, \*-el- перед согласным, в том числе 23 сочетания \*tort, 20 — \*olt, 18 — \*tert, 4 — \*telt и 7 — \*ort. Они встречаются в более, чем 160 лексемах.

2. Сочетания \*ort в подавляющем большинстве случаев сохраняются: bordaiňǎ, boržǎ, bomǎ, gord, gorněč, xomǎ, xorstaiwě, kort'ě, korwo, morwě, morz, porz, porx, porsg, smordlaině, vorblěk, vorno, vortǎ, zewomǎk. В двух случаях имеется варьирование: stornǎ / starnǎ, wǎgord / wǎgard. В трех словах произошла метатеза с позднейшим полабским изменением o > ō: broda, brodawaica, brozd'il / Brozd'il.

3. Сочетание \*olt отражается с метатезой в виде dlat: blǎn, glǎd, glǎwǎ, xlǎd, klǎdǎ, klǎs, klǎt'öl, mlǎkǎ, mlát, mlǎdě, plǎtně, plǎwě, slǎd, slǎmo, slǎnǎ, slǎwat'ě, wǎlk, zǎd, zǎtǎ. Лексема \*polǎdbne сохранилась без метатезы с переходом o > ō, что, видимо, связано с наличием \*ъ после l.

4. Сочетание \*tert большей частью отразилось с метатезой, причем e либо сохраняется, либо переходит в i, что регулируется полабскими звуковыми закономерностями: brezǎ, wredǎl, cewü, dren, preňǎ, srebriü, sredǎ (но sridně); brig, criw, drivenǎ, drizal, pricně, prid, prič'ě, striz, tribě, tribně, wričeně, zribǎc. Префикс \*per- в семи лексемах сохранился без метатезы (perdojě, perlaj, permesǎ, perdodime, perstrelět, pertagni, perwarte) и в четырех — с метатезой: prepict, pripek, privist, prilid'ot.

5. Сочетание \*telt сохранилось с метатезой в виде lǎ (clǎwǎk; ср. польск. człowiek), li (slid, klikǎ / klinkǎ) и l'e (sl'emǎ).

6. Начальные сочетания ort- представлены в виде rǎ (rǎdlü, rǎkwaicǎ, rǎtǎ, rǎtoj, rǎt'ai) и rü- (rüst, rüzne, префикс \*orz-: rüsplǎstaitě, rüzmesǎt).

7. Другой славянский язык, в котором метатеза в рассматриваемых сочетаниях осуществляется не всегда, — поморский. По данным Ф. Лоренца (Gramatyka pomorska, §§ 36—58), сочетания ol, el, er, как правило, отражены с метатезами. Нарушения единичны (ср. поморск. pǎw'ne 'полдень' при полабск. pǎlni; некоторые случаи отражают совпадение судеб ol и ol' и позднейшими процессами). В отличие от этих сочетаний, сочетание or часто отражается рефлексам без метатезы; иногда в диалектах представлены сочетания с метатезой и без нее в одном и том же слове (bróna / bwta, uogwrd /

uogrod и под.) или корне (так, слово broda зафиксировано лишь с метатезой, но производное burdaica / brydaica известно в обеих формах).

8. Полабские и поморские рефлекс сочетаний плавных с o и e могут интерпретироваться в том плане, что метатезы плавных в этих сочетаниях происходила одновременно, в течение некоторого периода. Возможно, что метатеза r происходила позже, чем метатеза l, причем метатеза в сочетаниях типа tort осуществилась позже, чем в других сочетаниях. Это могло бы объяснить систематическую задержку в реализации метатезы в тех славянских языках, где это явление представлено довольно последовательно.

В. Чекмонас (Вильнюс)

## НАЧАЛЬНЫЕ СЛАВ. \*je- / \*o- В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

1. Анализ литературы о происхождении начальных слав. \*je- / \*o-, выполненный Г. Поповской-Таборской, показал, что уже предложены все возможные ответы на вопрос "что из чего" в рамках классических представлений об особенностях праславянской фонетики. Следовательно, можно считать, что проблема происхождения начальных \*je- / \*o- только поставлена.

2. Поскольку позднее происхождение общеслав. \*ǰ (< \*ǰ) и позднее сужение праслав. \*ǎ (> é) можно считать доказанным, то, видимо, более корректно говорить о начальных je- / o- как явлениях, развившимся на базе праслав. /\*jǎ- / \*ǎ- / < \*a.

3. Полную аналогию предполагаемому процессу находим в современных литовских говорах (ср. ēzeras ~ jēzeras ~ āžaraš; ežys ~ ježys ~ ažys). А. Гирденис доказал, что переход начального e- (= ä) > a- здесь связан с развитием противопоставлений C—C'.

4. По нашему мнению, судьбы начального e- (= ä) в литовских говорах составляют надежную типологическую основу для реалистического объяснения так наз. праслав. \*je- / \*o-, как явления, начавшему развиваться до сужения праслав. \*ǎ и \*ǎ', и считать, что в западно- и южнославянских говорах представлены результаты спорадического смешения \*ǎ- и \*ǎ'. Появление протезы j здесь связано с сужением \*ǎ > \*e.

В восточнославянских говорах отражены результаты двух независимых процессов: \*ǎ > \*je- и \*ǎ > \*ǎ' (> o), которые предполагают различные фонологические ситуации. В связи с этим рассматривается вопрос о неоднородности (генетической?) говоров, легших в основу правосточнославянских.

К ПРОБЛЕМЕ КАРПАТОУКРАИНСКО-СЛОВЕНСКИХ  
ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Особенности карпато-балканской языковой общности наиболее полно проявляются в лексике. Ведущиеся в самых разных направлениях исследования карп.-балк. лексики в конечном итоге ориентированы на решение задач лингвостранического характера. Понять истоки и динамику процессов, определивших формирование новой языковой общности, помогает сравнительно-сопоставительное изучение лексики, дополненное этимологическим анализом. Путь к восстановлению генетических отношений лежит через всесторонний анализ и историческое осмысление устойчивых пучков изоглосс, отличительно характеризующих карп.-балк. ареал. Особым вниманием пользуются карпатоукраинско-южнославянские отношения в лексике. Поставленная К. Гутшмидтом проблема связей карп.-укр. диалектов со словенским языком, занимающим западную окраину ю.-слав. территории, требует дальнейшей разработки в более глубокой исторической перспективе с учетом динамики диалектных отношений праславянского и особенностей формирования ю.-слав. языковой группы. Оценка карп.-балк. языковой ситуации через призму карп.-укр.-словен. изолекс сопряжена с большими трудностями, которые обусловлены разными моментами и в первую очередь тем, что лексика является самой подвижной, неустойчивой частью языка. Положение осложняется еще и тем, что изначальные диалектные отношения перекрыты процессами интерференции, взаимовлияния диалектов на небольшой территории в условиях общего хозяйственно-бытового уклада жизни. Задача состоит в том, чтобы восстановить древние отношения на материале словаря, унаследованного из праславянской эпохи.

Проблема карп.-укр.-словен. лексических связей имеет много аспектов. Сосредоточив внимание на составе словаря, мы попытаемся выделить основные характеристики изоглосс, в которых участвуют названные диалекты.

1. Основная часть карп.-укр.-словен. связей приходится на лексику общеславянского распространения. Изоглоссы этого типа не несут в себе ничего специфического, что бы отличало и выделяло изучаемые диалекты в славянском мире. Ср. (1) \**xyža* (ЭССЯ 8, 165)<sup>1</sup>, (9) \**gręda* (ЭССЯ 7, 120), (10) \**selmę* (Фасмер III, 668), (16) \**podъ* (Фасмер III, 295), (13,14) \**dymbnikъ* (ЭССЯ 5, 204), (24) \**ędsla* (ЭССЯ 6,44), (28) \**xomъ* (ЭССЯ 8, 74), (227) \**kvasъ* (ЭССЯ 13, 153) и т.д.

<sup>1</sup> Для краткости слова приводятся в форме праславянской реконструкции. В скобках слева указан номер вопроса ОКДА, справа называются источники (Этимологический словарь славянских языков и др.), в которых содержатся сведения об этимологии и географии слова на славянской территории.

Изоглоссы, охватывающие все ю.-слав. языки, нередко имеют ограниченное продолжение в сев.-слав. языках: ср. (357) \**qryža* (ЭССЯ 7, 161), (3) \**ętja* (ЭССЯ 12, 70), (744) \**ъbrdo* 'гора, холм' (ЭССЯ 3, 164), (733) \**ъbъslnъje* и т.д.

2. Ряд карп.-укр. лексем участвует в изоглоссах, объединяющих диалекты западной части ю.-слав. языков и чешско-словацкой области. Эти изоглоссы, отражающие глубокие, интенсивные контакты диалектов западного и южного типа на территории древней Паннонии, частично захватывают область Карпат, что, по-видимому, связано с более поздними процессами взаимодействия диалектов, ср. (21) \**ob(v)lоkъ* Bezlaј II, 234).

3. Многие из слов, тяготеющих к карп.-балк. ареалу, не обнаруживают продолжений в болгаро-македонской области: ср. (23, 24, 25) \**drabina* (ЭССЯ 5, 100; St. prask. 4, 200), (535) \**ъstrę gъ* (Фасмер III, 250), (387) \**gajъ* (ЭССЯ 6, 85), (103) \**kresadlo* (ЭССЯ 12, 125), (767) \**pleso* (Фасмер III, 280) и т.д. Частично в таком распределении изоглосс находит отражение восходящее к праславянской эпохе противопоставление двух диалектных групп – западной и восточной.

4. Если карп.-укр.-словен. лексические связи стерты, растворены в изоглоссах, охватывающих широкие ареалы, то, напротив, более четко и определенно выражены карп.-укр. изоглоссы, в которых не участвует словенский язык и шире – западные диалекты ю.-слав. группы. Ср. (87) \**atra* / \**vatra* (ЭССЯ I, 91), (267) \**čelъ adъ* (ЭССЯ 4, 40), (727) \**kyčera* (ЭССЯ 13, 249), \**ibati* (ЭССЯ 15, 69) и т.д. Карп.-укр. диалекты теснее связаны с болгаро-македонской языковой областью. И эта близость не случайна, истоки ее восходят к эпохе освоения славянами территории Восточных Балкан.

В пестрой мозаике изоглосс размыты, слабо проявляются карп.-укр.-словен. лексические связи. Практически не поддаются выделению отдельные изоглоссы. Карп.-балк. общность стала складываться в эпоху миграций и освоения славянами новой родины. В этом ареале, видимо, не было прямых непосредственных контактов с носителями будущих зап.-юслав. диалектов. Как правило, словен.-карп.-укр. соответствия являются частью разнонаправленных изоглосс, имеющих более широкую протяженность. На небольшой территории оказались максимально сближенными периферии разных диалектов и диалектных комплексов. Тесные языковые контакты не могли не привести к перераспределению диалектных связей, что, в свою очередь, не могло не отразиться на конфигурации некоторых карп.-укр. изоглосс.

Г.П. Клепикова (Москва)

ГИПОТЕЗА В.М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА ОТНОСИТЕЛЬНО РОЛИ  
"КАРПАТСКОЙ МИГРАЦИИ СЛАВЯН"  
В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ

1. В статье "Лексический комментарий к карпатской миграции славян", опубликованной 30 лет назад (Изв. ОЛЯ АН СССР, 1960), В.М. Иллич-Свитыч предложил свое объяснение большому числу лексико-семантических параллелей

лей в некоторых северославянских (=карпатская зона) и южнославянских диалектах. Связывая возникновение этих параллелей с распространением славян в I-м тысячелетии н.э. из области прародины через Карпаты – на Балканский п-в, и тем самым – с существенными изменениями условий их жизни и хозяйствования, он рассматривал миграцию в качестве причины интенсификации семантических процессов, результаты которых фиксируются ныне в карпато-балканском пространстве. Начальные стадии семантических изменений (=сдвигов) он усматривал в северославянских диалектах карпатской зоны. Были высказаны соображения о времени и условиях реализации КМС, в том числе – и о необходимости пространственной характеристики соответствующих лексико-семантических единиц.

2. Указанная статья послужила важным импульсом диалектологических (resp. лингвогеографических) исследований карпатской зоны – на базе карпатоукраинских диалектов был создан "Карпатский диалектологический атлас" (1967). К сожалению, публикация его не привела к заметной активизации изучения карпато-южнославянских сходжений. Лишь в 70-е гг. идея КМС вновь начинает интересовать ученых – в связи с рассмотрением ряда аспектов карпатистики и прежде всего – с созданием "Общекарпатского диалектологического атласа" (ОКДА), цель которого – описание результатов языкового контактирования в масштабах карпато-балканской макрзоны.

3. Материалы ОКДА (1) позволяют продолжить каталогизацию специфических карпато-южнославянских соответствий в области лексики и семантики, изучение их типов, (2) исследовать соотношение лингвистических и экстралингвистических (внелингвистических) факторов в развитии семантики, (3) на базе новых данных лингвогеографии совершенствовать методы и приемы интерпретации карпато-южнославянских параллелей не только в духе идей КМС, но и в плане поисков "универсалий" семантической эволюции; (4) ОКДА позволяет определить современное понимание сущности концепции В.М. Иллич-Свитыча, поскольку становится очевидным, что по мере расширения корпуса фактов ее "объяснительная сила" может изменяться. В частности, из сферы ее приложения устраняется большой пласт лексики, в котором семантические сдвиги минимальны (если не считать появления незначительных нюансов, не разрушающих однако единство семантической структуры соответствующих лексем). То же можно сказать о лексике, заметное развитие семантики которой осуществлялось позднее эпохи КМС (о чем свидетельствует отсутствие инноваций в северославянских языках, в том числе – в карпатской зоне).

4. Несомненна важность учета идей В.М. Иллич-Свитыча, во-первых, при изучении семантических процессов, начальная стадия которых отмечается в славянских (и неславянских!) диалектах карпатского ареала – при отсутствии продолжений в южнославянском, и, во-вторых, в случае фиксации семантических сдвигов, которые сближают карпатскую и южнославянскую зоны, что может трактоваться в качестве результатов КМС.

5. Таким образом, на современном уровне наших знаний о соотношении отдельных зон Славии целесообразно рассматривать идеи В.М. Иллич-Свитыча в конвенциональном смысле, как гипотетическое построение, позволяющее интерпретировать известное число карпато-южнославянских

семантических соответствий и тем самым уточнять хронологию их возникновения. При этом основным методом остается анализ географии и семантического объема лексем – с максимальным учетом данных всех славянских языков (и диалектов).

Л. А. Гиндин, И. А. Калужская (Москва)

## ВКЛАД В.М. ИЛЛИЧ–СВИТЫЧА В КАРПАТСКИЕ АРЕАЛЬНО–ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основополагающий теоретический и практический вклад В.М.Иллич–Свитыча в становление карпатского языкознания (обоснование этой отрасли знания см.: Бернштейн, 1963 и др.), конкретнее – в те его аспекты, которые связаны с этимологическим и ареально-диалектологическим исследованием лексики славянских языков, приуроченных синхронно и/или исторически к карпатскому ареалу, неоспорим.

В реальности этот вклад выразился двояко. Во-первых, он воплощен в серии этимологических этюдов, исследующих карпатские термины горного ландшафта и составивших его знаменитый "Лингвистический комментарий к карпатской миграции славян" (Из ОЛЯ, 1960: *polnъ/\*polnina, \*golъ/\*bъrdo, \*dělъ* и др. – всего 17 апеллативов). Данными этимологиями В.М. Иллич–Свитыч обосновал свою столь же простую, сколь и логически здравую гипотезу (при согласии с общепринятыми взглядами на прародину славян к северу и северо-востоку от Карпат), что "пребывание славян в горных районах Карпат" должно было сопровождаться "значительными сдвигами в лексике", которые "можно проследить на материале южнославянских языков, являющихся продолжением диалектов славян, пересекших Карпаты" и что "... зачатки таких сдвигов следует искать у северных (восточных и западных) славян, заселяющих сейчас Карпаты от верховьев Серета до Дуная у Братиславы" (там же, с.222).

Во-вторых, превалирующая роль В.М. Иллич–Свитыча прослеживается по линии создания Вопросника "Карпатского диалектологического атласа (об одном из двух проектов Программы–вопросника, подготовленном В.М. Иллич–Свитычем и лежащей в его основе "обширной картотеке", составленной им же, см.: Бернштейн 1967, с. 25). Сплошное развертывание позиций Вопросника КДА в процессе работы над I томом Карпатского ареально–этимологического словаря, отчетливо демонстрирует глобальный характер взгляда В.М. Иллич–Свитыча на лингвистическую сторону славянского этногенеза эпохи транскарпатской миграции. Это выразилось, прежде всего, в ориентации полевой диалектологической программы на выявление двусторонних карпатоукраинско- южнославянских изоглосс, носящих стержневой характер для воссоздания этногенетических процессов позднепраславянского периода, происходивших в ареале Карпат и на прилегающих территориях. Сама идея подбора подобных изоглосс, несомненно, инспирирована возникшим в тот период особым интересом к использованию лексических и этимологических

данных в качестве диагностического материала в ареальных построениях (Порциг, Зольта, Трубачев и др.). Смелость и нетривиальность подхода В.М. Иллич-Свитыча проявились также в отсутствии боязни возможных упреков в коллекционировании результатов параллельного развития и опасности со стороны *argumentum ad silentium*.

С.Б. Бернштейн (Москва)

### О СУДЬБЕ ПРАСЛАВЯНСКИХ НОСОВЫХ ГЛАСНЫХ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ГОВОРАХ МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА

Во всестороннем освещении данного вопроса велика роль В.М. Иллича-Свитыча, который еще в студенческие годы серьезно заинтересовался македонским языком. Он исподволь начал собирать лексический материал, которым позже воспользовался в работе над "Македонско-русским словарем" (Москва, 1963). Однако молодого слависта больше интересовали проблемы исторической фонетики. Именно поэтому он охотно принял участие в диалектологической экспедиции в Узбекистан, где жили македонские переселенцы. В экспедиции принимали участие Н.И. Толстой и Г.П. Клепикова. На основе собранного материала Иллич-Свитыч получил возможность всесторонне рассмотреть судьбу праславянских носовых гласных. Его наблюдения легли в основу статьи "О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах" ("Вопросы славянского языкознания", 6, 1962).

Судьбе праславянских носовых гласных в македонских говорах слависты уделяли много внимания. Достаточно назвать имена Григоровича, Дринова, Облака, Кузова, Милетича, Мазона, Малэцкого и мн.др. Однако далеко не все аспекты проблемы были освещены. Прежде всего речь идет о взаимосвязи и географическом распределении отдельных диалектных типов. Именно этому вопросу и была посвящена указанная статья. Автор впервые установил четыре самостоятельных типа. Важным условием для судьбы ринезма являлся характер последующего согласного. Первый тип сохраняет ринезм перед всяким этимологически звонким согласным. Перед этимологически глухим согласным ринезм не сохраняется. Второй тип характеризуется сохранением ринезма только перед неоглушенным согласным. Перед глухим любого происхождения ринезм не сохраняется. Третий тип характеризуется сохранением ринезма только перед неоглушенными губными и зубными согласными. Четвертый тип представлен в однокоренных словах (например, ед.ч. *ред*, *зѣб*, но мн. *редови*, *зѣмби*). Автор устанавливает историческую преемственность всех указанных типов и их географическую распространенность. Статья Иллича-Свитыча вносит ряд весьма существенных дополнений в наши представления о процессе деназализации гласных в славянских языках. Автор обладал редким даром в многочисленных диалектных вариантах обнаруживать отдельные звенья единого процесса.

### ИССЛЕДОВАНИЯ В.М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА ПО МАКЕДОНСКОМУ ЯЗЫКУ МАКЕДОНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ<sup>1</sup>

1. Занятия македонистикой – в плане сравнительно-исторического изучения македонских диалектов и сопоставительного изучения литературного македонского и русского языков – находились на периферии научных интересов В.М. Иллич-Свитыча, но все, что им сделано в этой области славяноведения, прочно вошло в фонд мировой науки (например, статья "О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах", ВСЯ, 6, 1962).

2. Наиболее крупным трудом по македонскому языку является Македонско-русский словарь 1963 г. (далее – МРС), в котором В.М. Иллич-Свитыч выступает как соавтор лексикографической части и автор грамматической справочника.

МРС был создан еще в то время, когда лексический корпус македонского литературного языка не имел всесторонней официальной кодификации. Как известно, в 1945 г. были кодифицированы лишь графика, основные правила орфографии и морфологии и провозглашены принципы создания и отбора лексики литературного языка. В 1950 г. были углублены и уточнены нормы морфологии и положено начало кодификации лексики в виде орфографического словаря из 6000 слов. В шестидесятые годы, уже после создания рукописи МРС, в Скопье был опубликован первый том трехтомного Словаря македонского языка с толкованиями на сербохорватском языке (1961 г.), второй и третий тома вышли из печати в 1965 и 1966 гг. (далее – МТР).

3. МРС довольно точно зафиксировал состояние лексического корпуса македонского литературного языка начального периода его развития (сороковые – шестидесятые годы XX в.), как показывает сопоставление не только первого, но и второго и третьего тома МТР и МРС. Неточности касаются главным образом стилистических помет, к недостаткам МРС можно отнести сжатое раскрытие словарных статей, хотя грубых ошибок в их трактовке практически нет.

4. Не утратил научной ценности и свежести блестяще написанный в дескриптивном ключе краткий грамматический справочник к МРС, автором которого является Владислав Маркович Иллич-Свитыч. В Справочнике содержатся наиболее общие, но вполне достаточные сведения об орфографии, фонетике, морфологии и словообразовании македонского литературного языка.

5. За прошедшие с тех пор более чем четверть века македонский язык бурно развивался, особенно в области лексики: были опубликованы создан-

<sup>1</sup> Македонско-русский словарь. 30 000 слов. Составили Д. Головки и В.М. Иллич-Свитыч, под редакцией Н.И. Толстого. С приложением краткого грамматического справочника, составленного В.М. Иллич-Свитычем. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, Москва, 1963.

ные специальными комиссиями терминологические словари по всем отраслям науки и техники (более 50 томов), определились функциональные стили литературного языка и обиходно-разговорный язык. Вот почему во многих отношениях МРС устарел, но он занимает достойное место в истории славяноведения как первое научное сопоставительное исследование лексики македонского литературного языка определенного этапа его истории, как первый словарь македонского литературного языка и первый македонско-русский словарь.

С.В. Бромлей (Москва)

## ДИАЛЕКТНАЯ СИНХРОНИЯ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

1.1. Синхронный срез диалектов одного языка, спроецированный на территорию (имеется в виду совокупность карт диалектологического атласа) представляет собой языковой полигон, демонстрирующий главные континуальные различия диалектных систем друг от друга по множеству параметров на всех языковых уровнях.

1.2. Возможность разных аспектов изучения такого объекта: структурного и территориального. Принципиальная независимость структурного подхода от территориального (Аванесов). Их связь при изучении динамики языка, рассматриваемого как совокупность диалектов.

1.3. Традиционное понимание диалектного континуума как "диахронии, распластанной в синхронии", строго говоря является не более, чем удачной метафорой. В разных частных диалектных системах (ЧДС) общие генетические элементы языка, по существу, никогда не равны сами себе, так как в любой ЧДС они входят в особую, отличную от всех других, сетку связей и опосредствований. Правильнее поэтому в соответствии с системным подходом к языку рассматривать каждую ЧДС как определенную позицию реализации данного исходного языкового элемента и говорить о законах "междиалектной парадигматики" данного языка.

2.1. Изучение развития языка как сложного целого – совокупности его диалектов – должно осуществляться в рамках структурного подхода как интегрирование свойств системы диалектного языка. Наиболее соответствует этим целям метод анализа его максимальной модели с выделением в ней ядерной и периферийной части.

2.2. Ядерная часть метасистемы содержит обязательные, неотъемлемые характеристики языка, присутствующие в любой его конкретной манифестации; периферийная – необязательные, за счет которых осуществляется его структурное варьирование от системы к системе. Оценка периферийных элементов в терминах "архаизмов" и "инноваций" и установление характера последних как демонстрирующих определенные тенденции в развитии языка, например, свертывание его системы или развертывание на разных уровнях и в разных их фрагментах.

2.3. Вариативные звенья системы языка, спроецированные в своих разновидностях на карту атласа, показывают накопление этих изменений в пространстве, степень представленности элементов определенного качества в тех или иных территориальных диалектах.

2.4. Отношение между идеально сложной (т.е. максимальной) системой и идеально простой (т.е. ее ядерной частью) представляет собой диапазон диалектного варьирования языка, т.е. степень структурного расхождения его диалектов. Эта величина относится к сравнительно-типологическому языкознанию. Она может также быть мерилем динамизма процессов диалектного развития, если при сравнении родственных языков учитываются временные параметры. Большим динамизмом обладает тот из языков в данный отрезок времени, диапазон диалектного варьирования которого характеризуется большей величиной.

3. Все сказанное выше может относиться не только к языку в целом как совокупности диалектов, но и к определенному типу диалектов данного языка (Пшеничнова), например, севернорусскому или южнорусскому наречию с их внутренним членением.

И.А. Букринская (Москва)

## МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И СОБИРАТЕЛЬНОСТЬ (на материале им. падежа мн. числа существительных в русских говорах)

1. В процессе изучения проблемы соотношения множественности и собирательности на морфологическом уровне для русских говоров выделилось два основных сюжета: 1) Формы им. падежа мн. числа на *-á* (типа *городá, волосá* (не имеются в виду формы типа *рога, бока*, являющиеся генетически формами двойственного числа) и 2) Формы с суффиксом *\*vj* (типа *братья, листья, братья; зверья, листья*).

2.0. Формы им.п. мн. числа на *-á* наиболее продуктивны в русских юго-восточных говорах, достаточно широко распространены в северных и центральных говорах, а также в литературном языке. По мере движения на запад продуктивность их падает, наименее продуктивны они в смоленских говорах. Кроме русского языка, формы на *-á* отмечены в украинском языке: восточнополюсских и карпатских говорах, в белорусском языке: брестско-пинских говорах, говорах южной части Минской и Гомельской областей, а вне восточнославянского ареала – в моравских и чешских диалектах. Во всех диалектах, где отмечены формы на *-á*, они имеют собирательное значение (см. А.И. Соболевский, А.А. Потебня, Ф. Миклошич, Ф. Бартош и др.). Обширный материал, показывающий собирательное значение описываемых форм, накоплен по русским говорам и русской разговорной речи.

2.1. Собирательное значение понимается достаточно широко, как значение сплошного, непрерывного множества, понятого как масса, без внима-

ния к единицам, составляющим эту массу (а потому часто возникает пренебрежительный оттенок: *инженёрá всякие*); или значение нерасчлененной массы: *фси́ ду́ха́ вы́пил*; или значение усиленного, обширного, интенсивного множества, множества, протяженного в пространстве и во времени: *какие страсть, кругом степя́, огромные площади* и др.

2. 2. Формы на *-á* нельзя считать чисто русской инновацией, связанной, в первую очередь, с двойственным числом (как это делается в большинстве исторических грамматик). Представляется, что они так или иначе восходят к образованиям с праславянским формантом собирательности *-a*, и то, что эти формы отмечаются в разных славянских диалектах, говорит об их достаточной древности. Продуктивными же эти формы являются лишь в русских говорах.

2. 3. В русских говорах, где формы на *-á* широко распространены, практически нет акцентологических, морфологических и морфонологических ограничений для их образования, существенна лишь семантика корня и необходимость актуализировать значение собирательности.

3. 0. Собирательные формы с суффиксом *\*-oj*. Здесь традиционно различаются два класса существительных: названия родственников и лиц мужского пола и названия животных в разных диалектах ведут себя по-разному, они или присоединяются к одной из перечисленных групп, или обособляются и составляют свою, как например в русском литературном языке. Суффикс *\*-oj* может оформляться окончанием ед. числа ср. рода *-e(é)* (*листьё́, братьё́*), или окончанием мн. числа *-a* (*листья́, братья́*), распределение этих окончаний по указанным выше семантическим группам в русских говорах различно, вплоть до контрастного. Возможные типы соотношений изобразим в виде таблицы.

	Вологод. д. Шевелёвка	Калинин. д. Дубровка	Костром. д. Фадеево	Тамбовск. д. Поповка	русский лит. яз.
родств.	- ьја	- ьје	- ьја	- ь ја	- ьја
животн.	- ьје	-	- ьја / - ьја	- ьја	- ьје
предметы	- ьје	- ьја	- ьја	- ьја	- ьја

3. 1. Северо-восточная (шевелёвская) система идентична системе, традиционно реконструируемой для праславянского состояния и отраженной в древнерусских памятниках. Такие системы широко распространены и в других славянских диалектах.

Формы на *-á* (типа *пенья́, возды́*) в шевелёвском говоре являются словообразовательным способом выражения значения множественности у существительных определенной семантики, т.е. тех, которые в данном говоре во множестве мыслятся собирательно. Обычные формы мн. числа (*пни, возды*) в говоре фактически не употребляются.

Контрастной по отношению к вышеназванной системе является дубровская система, где неодушевленные сущ. образуют формы на *-á* (*листья́, пенья́*), а названия родственников образуют соответствующие формы на *-á*, которые согласуются со мн. числом сказуемого и определения (*мои деверья́ пришли*).

3. 2. Эти две системы контрастны и потому не сводимы друг к другу. Происхождение дубровской системы не объяснимо из традиционно реконструируемой праславянской системы, также трудно объяснить и происхождение систем, свойственных литературному языку и костромским говорам. Существование подобных систем требует уточнения праславянской реконструкции.

А. В. Тер-Аванесова (Москва)

## СИСТЕМЫ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ФОНЕМ "ТИПА О" В РУССКИХ ГОВОРАХ

Противопоставление фонем "типа о" рассматривается на материале юго-западного русского говора д. Пеневичи Хвостовичского р-на Калужской обл. и севернорусских говоров: Заонежья (Медвежьегорский р-н КАССР), д. Фадеево Судиславльского р-на Костромской обл. и д. Шевелевки Тарногского р-на Вологодской обл.

1. В Пен. представлен "великорусский" принцип распределения фонем "типа о". Вокализм говора характеризуется четким разграничением степеней подъема гласных: фонема /ɔ/ реализуется в гласных среднего – средне-нижнего подъемов (ɔ, реже о, а также в дифтонгах и дифтонгоидах оу, уо, после мягких также ишɔ), фонема /ɑ/ – в гласных верхне-среднего подъема (а также дифтонгах уо). На месте \*о в словоформах, восходящих к оротоническим: *вбл'н'айа, п'эскарбд'иу, пбл'чм* 1 мн., *барбст* Р. мн., *за стб'у, пбмн'у, бтпук; салл'ш* 'звучание духовых инструментов', *уладб'фку, т'шнб'ты; всталб'с, залатб'га* Р. ед. м., *платб'му, дамб'у*. На месте \*о в словоформах, восходящих к энклиноменам: *мэл'ят, плбд, плбда, рбд, н'рау* 'норов', *п'з ст'лу, зблас', ж'ч'ер'ед'ч, п'йест, пл'за*. На месте \*а: *п'раул'т'ит'* 3 ед., *с'т'ны'ч, бл'х, пад'б'л'ч'и, кр'б'ч'и, к'бр'м'ит'* 3 ед., *с'с см'эху, с'б'в'ест'и; разб'к, стан'ч'ьк, ц'эрн'с'ун'г'и; палатн'зм, пад'н'изб'м, м'этл'зм*. На месте \*е, \*ы: *ум'з'р, патскр'з'бух* 'хлеб из остатков теста', *ж'х* прош. вр. м. р., *пан'з'ву, с'з'стры, ум'з'с, ыш'з'у* 'шел'; *плуж'к, сажж'на* ср. р. прош. вр., *паж'з'на* то же, *п'эст'ел'з'мши, к'эр'в'з'нк'ч; б'эр'з'т, ф'тр'в'б'х* 'втроем', *н'ч'ч'и'з'у в'стай'б'с'а*.

Отклонения от указанного принципа распределения. 1. В окончаниях косв. пад. ед. ч. ж. р. адъективного склонения встречается только /ɔ/: Р. *адн'ч'и, кл'уч'ав'ч'и, как'ч'и, Д. сам'ч'и, адн'ч'и, жыв'ч'и, Т. так'ч'и, т'б'ч'и, т'в'ч'и, дру'ч'и, М. адн'ч'и, т'ч'и*. Ср. рефлексы \*о, \*э, \*у перед j в других морфологических позициях: *з'и'м'ойу, в'асн'ой, с'астр'ойу, мал'ун'ой* Т. ед. 'мулине', *т'б'ч'и; зар'ый'ут', пр'и'кр'ый'ут', м'б'иу, пам'ч'и; И. ед. м. в'эскав'ч'и, зл'ч'и, жыв'ч'и, так'ч'и, как'ч'и-та, бал'н'ч'и*. 2. /ɔ/ наряду с /ɑ/ встречается в конце слова: *йа'рб, имен'б* И. ед., *Р'эжд'вб, штб; п'эвл'з'кл'з, в'др'з, каф'з, н'е был'з, З. /ɔ/* выступает в корнях с "минусовой" маркировкой под автономным ударением, вследствие обобщения фонетического представления корня: *д'в'ч'ика, тр'ч'ика* (ср. *д'в'ч'ие, тр'ч'ие*), *б'эсплбд'найа* (ср. *плбд*), *б'эзрбд'н'ч'и* (ср. *рбд*),





## ТОНАЛЬНЫЕ КЛАССЫ СЛОВ В ЯЗЫКЕ ЛОМА

тонацией. В раннем балто-славянском языке между началом и концом форм слова с подвижной а. п. происходило чередование на ударения, как в позднем балто-славянском языке, а интонации (восходяще-нисходящей). В баритонированных формах слова с подвижной а. п. начальный долготный слог характеризовался однослоговой восходяще-нисходящей интонацией, а при краткости начального слога первые два слога были охвачены двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией. В окситонированных формах слова с подвижной а. п. конечный долготный слог характеризовался однослоговой восходяще-нисходящей интонацией, а при краткости двух последних слогов на них размещалась двуслоговая восходяще-нисходящая интонация; при краткости конечного слога и долготности предпоследнего на предпоследнем слоге имела место однослоговая восходяще-нисходящая интонация, поскольку повышение тона при восходяще-нисходящей интонации в балто-славянском языке не могло происходить ни на второй мере долгого гласного, ни на всем долгом гласном, а лишь на первой мере долгого гласного (и на кратком гласном).

4. В раннем балто-славянском языке часть двусложных имен с подвижной а. п. и с долготным концом получила баритонированную а. п. (\**dumos*, \**puos*, \**jatom*, \**mater*, \**daiwer*, \**griva* и др.). На наш взгляд, это произошло потому, что в двусложных именах с подвижной а. п. и с долготным корнем однослоговая восходяще-нисходящая интонация на корневом слоге была свойственна не только баритонированным падежным формам, но также двусложным окситонированным формам с краткостным конечным слогом. Такое совпадение акцентуации баритонированных и части окситонированных форм способствовало обобщению однослоговой восходяще-нисходящей интонации во всей парадигме. Переход двусложных имен с подвижной а. п. и с долготным корнем в баритонированные имена на всей территории распространения балтославянского языка осуществлялся до тех пор, пока в протославянских говорах в баритонированных формах имен с подвижной а. п. не возникла нисходящая интонация.

5. Закон Хирта с поправкой Т. Лера-Сплавинского полностью соответствует сформулированному выше (пункт 3) правилу об акцентуации окситонированных форм слов с подвижной а. п. в раннем балтославянском языке, что дает основание считать закон Хирта проявлением указанного правила. Правило акцентирования окситонированных форм слов с подвижной а. п. относится не только к раннему балтославянскому языку, но и к позднему индоевропейскому. Выравнивание акцентуации падежных форм с подвижной а. п. и долготностью предпоследнего слога (однослоговая восходяще-нисходящая интонация на конечном слоге при долготности конечного слога и однослоговая восходяще-нисходящая интонация на предпоследнем слоге при краткости конечного слога) имела место во многих индоевропейских языках: в одних языках обобщалась акцентуация двусложных форм с ударением на предпоследнем слоге (балто-славянский язык, кельто-италийские языки), а в других — с ударением на конечном слоге (древнеиндийский и древнегреческий языки).

Тип	Структура слова и исходный тон	Тон суффикса типа -V(-a, -i)	Тон глагольного суффикса (-su, -ni)	Тон после слога А	Тон перед новым словом	Влияние на тон последующего слова			
A	1	a	CVCV̄ -(g) CV̄ -(g)	-í, -gí -á, -gá	-zì, -sù	CVCV̄ -(g) CV̄ -(g)	не изменяется	понижает тон последнего слова	
		b	CV̄(g) CV̄ -(g) CV̄: CV̄ -(g) CVC <sub>inst</sub> V̄ -(g)	-í, -gí -á, -gá	-zù, -sù	CV̄(g) CV̄ -(g) и т. д.			
	2	a	CVCV̄, CV̄	-á	-zù → -zì	CVCV̄, CV̄			
		b	CV̄(g) CV̄ CV̄: CV̄ CVC <sub>inst</sub> V̄	?	после слова типа А	CV̄(g) CV̄			
	3	a	CV̄(g) CV̄ -(g), CV̄: CV̄ -(g), CVC <sub>inst</sub> V̄ -(g)	-í, -gí, или -gí	-zù, -sù	CV̄(g) CV̄ -(g) и т. д.			
		b	CV̄(g) CV̄ -(g), CV̄: CV̄ -(g), CVC <sub>inst</sub> V̄ -(g)	-í, -gí → -í, -gí	-zù, -sù	CV̄(g) CV̄ -(g) и т. д.			
	4	CV̄, CV̄(g) CVCV̄	-í, -gí	?	не изменяется				
	5	CV̄(g) CV̄	-í, -gí	?	?				
	B	1	CVCV̄ и т. д. (все типы)	-í, -gí	-sù	не изменяется			не влияет
		2	CV̄(g) CV̄ -(g), CV̄: CV̄ -(g), CVC <sub>inst</sub> V̄ -(g)	-í, -gí	?				
3		CVCV̄ -(g), CV̄, CV̄: (g)	-í(?), -gí	?					
4		CV̄(g) CV̄ CVC <sub>inst</sub> V̄, редк. CVCV̄	-í, -gí	?					
C	1	a	CV̄, CVCV̄ -(g) CV̄V, -(g)	-í, -í -gí	-sù	иногда CV̄, CVCV̄			
		b	CV̄(g) CV̄, CV̄: CV̄	-í	?	иногда CV̄(g) CV̄, CV̄: CV̄			
	2	CV̄(g) CV̄	-í — -í	?	иногда CV̄(g) CV̄				

D	CV̄. CV̄: CV̄, CV̄(g) CV̄	?	?	не изменя- ется?	CV̄, CV̄(g) CV̄	не влияет или CV̄(g)ā → CV̄(g)ā
---	------------------------------	---	---	---------------------	--------------------	---------------------------------------

1. Основные типы слогов в лоосма – CV, CV̄: и CV̄(g). "Неслышимая" слоговая терминаль -(g) восходит к \**ŋ* пра-Юго-Зап.Манде. -(g) реализуется только в сандхи: CV̄(g)+-V → CV̄-gV. Терминаль -(g) также препятствует ослаблению последующего согласного, в результате чего сложилась система морфологического чередования сильных и слабых согласных.

2. Тон в лоосма словесный. Противопоставляются два тона – высокий и низкий. В независимой позиции начальный тон подавляющего большинства слов – высокий. Это объясняется присоединением в пралоома префиксального артикля-местоимения 3 л. ед. \**ŋ* (в пра-Юго-Зап.Манде, по-видимому, \**ŋ*).

3. В зависимости от того, вызывает ли слово понижение тона последующего слова, а также от способности изменить свой тон, слова разделяются на несколько тональных классов. Еще один критерий – способность понижать тон глагольного суффикса структуры -CV. Внутри выделенных классов имеются также подклассы. Отнесение слова к тому или иному подклассу предопределяется его сегментной структурой (в первую очередь – наличием/отсутствием "тонового экрана" между слогами слова), тогда как отнесение того или иного слова к данному классу непредсказуемо.

4. Из представленных в таблице групп, отдельными классами являются: A1; A2; A3a; A3b; (A4 + A5); (B1 + B2); (B3 + B4); C1; C2; D. Для этих типов следует, по-видимому, реконструировать различные тональные рисунки в пра-Юго-Зап. Манде.

5. Низкий тон первого слова у некоторых групп слов объясняется невозможностью их сочетания с артиклем-местоимением \**ŋ*- в в пралоома (наречия, имена собственные, существительные с релятивным значением и т. п.), или же присоединением архаичного показателя именно-го класса \**ŋ* (на уровне пра-ЮЗМ, по-видимому, \**ŋ*).

Примечание: как C<sub>inst</sub> обозначены "мгновенные" согласные (b, v), которые в системе консонантного чередования ведут себя как слабые, но, подобно сильным, создают "тоновый экран" внутри слова.

Д. Р. Лещинер (Москва)

## РЕКОНСТРУКЦИЯ ТОНОВ И ДОЛГОТ В ПРАЯЗЫКЕ СЕМЬИ ХОКА

В настоящей работе предлагается предварительная версия реконструкции акцентной системы языка прото-хока. Характеристика калифорнийской языковой семьи хока, источники ее реконструкции, таблица фонетических соответствий и часть этимологического словаря содержатся в [1]. В настоящей работе приводятся только данные языков, используемых для ак-

центной реконструкции – Ačumāwi (Ač), Karok (K), Yana (Ya), Proto Romo (PРо), Proto Yuma (PYu). В этих языках имеются: Ač – долгота гласных (ā), высокий тон (á), нейтральный тон (a), в конечных слогах также низкий тон (â); K – долгота гласных, ударение (повышение голоса) (á) (основа или словоформа может быть и безударной), на долгих гласных – также падающее ударение (â); Ya – долгота гласных; PРо – реконструируется долгота гласных, высокий напряженный тон (á), нейтральный тон (a); PYu – реконструируется долгота гласных и динамическое ударение (á).

Реконструкция акцента в PРо основана на следующих соответствиях (далее обозначения языков группы Romo даются по [2]);

PРо \*CVCV̄ – Pk CVCV, Ps CVCV, Pne CVCV, Pe CVCV;  
PРо \*CVCV̄ – Pk CVHCV, Ps CVHCV, Pne CV(H)CV̄, Pe Cṽ(H)CV̄;  
PРо \*CVCV̄ – Pk CVHCV, Ps CVHCV, Pne CV̄(H)CV, Pe Cṽ(H)CV̄;  
PРо \*CVCV̄ – Pk CV(H)Cṽ, Ps CVCHV, Pne Cṽ(H)CV, Pe Cṽ(H)CV̄;  
PРо \*CVCV̄ – Pk CVCV̄, Ps CVCCV, Pne CVCV̄, Pe CVCV̄;  
PРо \*CVCV̄ – Pk CVCV̄, Ps CVCCV, Pne CVCV̄, Pe CVCV̄;  
PРо \*CVCV̄ – Pk CVC(V), Ps CVC(V), Pne CVCV, Pe CVC;  
PРо \*CVCV̄ – Pk CV(H)C(V), Ps CV(H)C(V), Pne CVCV, Pe CVC.

В корне предполагается необходимость наличия хотя бы одного слога высокого тона. Здесь CC – геминация согласного, H реализуется как ? в соседстве со звонкими и абруптивными, а также с ? (и с l, если первый согласный корня абруптивный). В остальных случаях (в соседстве со спирантами, сонантами (кроме l после абруптивных), глухими и глухими придыхательными) H реализуется как h. Вышеприведенные правила действуют и в случае, когда долгота гласного в части языков связана с отпадением конечного согласного. Примеры:

\*donó 'mountain': Pk dono, Ps dōno, Pne dōno, Pe dānó, Pn danó, Pe dānó, Pse kno  
\*xíba'body': Pk ši?ba, Ps ši?ba, Pne ši?bá, Pe štbá, Pn šibá, Pc šbá, Pse xba.  
\*bíxe 'deer': Pk bihše, Ps behše, Pne bēhše, Pe bišé, Pn bišé, Pc p'šé, Pse bxé,  
\*q'abā 'cloud': Pk q'habā, Ps k'habā, Pne k'há?bā, Pe xābá, Pn k'habā, Pc k'hbā,  
Pse xba.  
\*k'ijā 'hawk': Pk c'ijā, Ps č'ijja, Pne č'ijā, Pe k'ijā, Pc c'jā, Pse k'jā.  
\*c'ūwā 'shoulder': Pk s'ūwā, Ps c'uwwa, Pne č'āwā, Pe c'ūwā, Pc t'ūwā,  
Pse c'wa-ja.  
\*lālá 'goose': Pk lala, Pne lāla, Pe hlāl, Pn dala, Pc dālā, Pse lālaq.  
\*c'āc'ā 'dirty': Pk s'a?c'a, Ps [la]?c'a, Pne č'āc'ā, Pe c'āc', Pn čac'ā.

В прото-хока, как и в PРо, реконструируется долгота гласных, высокий напряженный и нейтральный тоны. Как и в PРо, предполагается необходимость слога высокого тона в корне. Предполагается следующее развитие в языках-потомках.

В Ač: \*CVCV̄ → CVC, \*CVCV̄ → CVCV̄, \*CVCV → CVCV; \*CVCV̄ → CVCV̄//CVCV (с невыясненным распределением), \*CVCV̄ → CVCV̄, \*CVCV → CVCV.  
В K: \*CVCV̄ → CVCV̄, \*C<sub>1</sub>VC<sub>2</sub>V̄ → C<sub>1</sub>C<sub>2</sub>V̄, \*CVCV → CVC (здесь A –

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СРЕДСТВ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ  
В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

протетический гласный; а либо *i* в зависимости от качества синкопируемого гласного); \*CVCV → CVCV / ACCV, \*CVCV → CVCV (безударная основа), \*CVCV → CVCV (в начале словоформы) / CVCV (в середине словоформы) / ACCV.

В Ya: \*CVCV → CVCV, C<sub>1</sub>VC<sub>2</sub>V → C<sub>2</sub>V // C<sub>1</sub>VC<sub>2</sub>V // C<sub>1</sub>V̄C<sub>2</sub>V (с невыясненным распределением), \*CVCV → CVCV; ударение либо тоны в диалектах вымершего языка Yana не записаны.

В PPO: \*CVTV → \*CVTV, где T – глухой либо глухой абруптивный (кроме k, q, q'). В остальных случаях долгота первого слога сокращается. \*CVCV → \*CVCV, \*CVCVCV → \*CVCVCV, \*(CV)CVCV → \*(CV)CVCV. Тональный рисунок корня совпадает с прото-хока (сохраняется неизменным).

В PYu: \*CVCV → \*CVC(V) (но может произойти раннее сокращение долготы первого слога), \*CVCV → \*CVCV, \*CVCV → \*CVCV. Отражение прото-хока тонов в PYu не обнаружено.

Причины, вызывающие в отдельных случаях спорадическое сокращение долгот, не выяснены. Имеется более двух десятков случаев (из 300) по видимому, нерегулярного по сравнению с приведенными выше правилами развития. Во многих случаях наращения дополнительных элементов основы затрудняют оценку регулярности соответствий. Примеры:

- \*āhīrā 'navel': Ač a?iú; K?arup; PYu \*(m)-i?rú?  
 \*sE?ó 'chapparal': Ač si?ómi 'spignet (Aralia californica)'; PPO \*se?é.  
 \*qákhá 'spider': Ač č?ahá; Kxaha; Ya c?uxná; PPO \*?k'há?  
 \*čáphá 'spring of water': Ač sáptf; PPO \*qáphá?; PYu \*xa - cpá.  
 \*čhālá (~ -r -) 'clam': Ač sal?; K?uxθáran 'abalone shell'; PPO \*čhālá.  
 \*?áčhá 'water': Ač as; K?ás; Ya xa(na); PPO \*?áq'há; PYu \*?axá?  
 \*?ó?á 'nose': Ač ul 'forehead'; Ya l?i - mau(na); PPO \*?ilá.  
 \*qáwá 'fox': Ač káwán 'silver fox'; K ikūf 'red fox'; Ya haxā - limil(la);  
 PPO \*haq'aw; PYu \*vir - xáw.  
 \*bāšə 'buckeye': Ač pās; Ya pāsī?i 'black oak'; PPO \*bāxa.  
 \*bāle 'tongue': Ač ipl - ē; K ápr - Th; Ya pa - wa?la; PPO \*?ubár; PYu \*hin - pále.  
 \*čhāmfājā 'heart'; Kīfāj; Ya ima 'liver'; (Pe) sāmāj; PYu \*wáj(λ).  
 \*hīčā(wa) 'tooth'; Ač ičā; Kvuha; Ya khīčāu(na); PPO \*hó?á; PYu \*šaw.  
 \*rāqá 'dentalium shell': Ač ilipakí; Kīšpuka; Ya tāripā(na) 'mussel';  
 PPO \*lóqá?á 'mussel'.  
 \*mbākā 'back': Ač pāk 'buttocks'; Kvāsih; Ya mak?i 'back, backbone';  
 PPO \*bak'á; PYu \*mák.

Автор пользуется случаем выразить выпавшую по вине автора в [1] глубокую благодарность С. Л. Николаеву за любезное предоставление своих материалов по языкам хока и большую помощь в работе над реконструкцией, особенно над первоначальным вариантом установления соответствий согласных.

Литература: Л. Р. Лещинер. Реконструкция названий частей тела в языках семьи хока. – ЛРЛИВ, с. 159 – 166. 2. S. McLendon; Proto Pomo. – University of California Publications, Linguistics, 71. – Berkeley, 1973. X, 118 p.

Становление системы средств относительного подчинения в болгарском языке позволяет убедительно показать, что при решении проблем сравнительно-исторической грамматики славянских языков необходимо учитывать широкий "контекст" ареальных взаимодействий с генетически родственными и неродственными языками, в которые мог вступать тот или иной славянский язык на протяжении своей истории. Эти контакты могли обусловить появление в нем наряду с тенденциями развития, общими для всех славянских языков, ряда тенденций, типологически сходных с характерными для иных, неславянских языков.

Для болгарского языка это, в частности, были тенденции развития, определяющиеся его участием в болканском языковом союзе. Так замену древних относительных слов с указательной основой на \*io (дрб. иже, таже, кликъ, идеже и под.) новыми, происходящими из вопросительных местоимений и наречий, можно отнести к числу тех существенных изменений в системе средств относительного подчинения, которые были пережиты всеми славянскими языками (Й. Бауер). Характерную же только для болгарского языка в кругу других славянских языков тенденцию к формальному отграничению относительных местоимений и относительных местоименных наречий от вопросительных местоимений и вопросительных местоименных наречий с помощью присоединения к последним указательных по происхождению морфем -то, -со, -но, находящую себе параллель в румынском языке (Ив. Гылыбов), с полным основанием можно рассматривать как один из синтаксических балканизмов. К числу балканизмов в сфере средств относительного подчинения в болгарском языке можно отнести также характерное и для соседних балканских языков употребление наречия места в качестве относительного местоимения 'который' (Кр. Сандфельд).

На картах Болгарского диалектного атласа, отразивших лексическое многообразие диалектных форм относительного местоимения, входящих постпозитивную определительную придаточную часть сложного предложения присловного типа, а также в других диалектных штудиях, отражены разные стадии этого процесса, в неодинаковой степени охватившего разные говоры. Принцип подхода к материалу лингвогеографических карт как к развернутой в пространстве диахронии, в частности анализ территориального распределения диалектной реализации системы средств относительного подчинения с учетом данных памятников болгарской письменности, позволяют нам восстановить сле-

дующие этапы развития этой системы: относительные местоимения и наречия указательной основы на \**io* → вопросительные местоимения и наречия, в частности наречие места, в функции средств относительного подчинения → формальное отграничение относительных местоимений и наречий от вопросительных с помощью специальных морфем *-то*, *-со*, *-но*.

Следы первого этапа зафиксированы в одном из родопских говоров (с. Тихомир), где отмечено изменяемое относительное местоимение от старой указательной основы: *ажит*, *ажата*, *ажото* – *ажите*. Второй этап, на котором сформировалось лексическое множество форм вопросительных местоимений и наречий, выступающих в функции относительного местоимения 'который', охватил почти все болгарские говоры, однако лишь восточному (по отношению к изоглоссе, проходящей примерно через Белградчик – Сливницу – Софию – Самоков – Разлог – Сандански – Гоце Делчев) диалектному ареалу известно употребление в этой функции местоименного наречия места (*къде*, *де*, *дей*, *където*, *дето*, *дека*, *дено*) наряду с более редкими формами *кой*, *който*. В западном по отношению к данной изоглоссе ареале в данной функции употребляется вопросительное местоимение *што*.

Третий этап развития охватывает только восточноболгарские говоры. Установленная нами на основании данных БДА изоглосса диалектного различия: наличие/отсутствие эксплицитного указания на относительное подчинение с помощью специальных морфем *-то*, *-со*, *-но* – на всем протяжении в общем совпадает с известной изоглоссой по *Ѣ* и тем самым вписывается в целый пучок изоглосс, причем не только языковых, но и этнографических и фольклорных, отражающих старое деление болгарского диалектного массива. Примеры употребления местоименных форм с морфемой *-то* выявлены уже в языке Шестоднева Иоанна Экзарха, в Супрасльском сборнике, в Беседе Козмы Превзитера (Ив. Гылыбов, А. Вайан, К. Мирчев), в Троянской притче (К. Мирчев, Е. И. Демина). В то же время, как свидетельствует материал Тихонравовского дамаскина (Е. И. Демина), в котором регулярно употребляются и формы с морфемой *-то* (*който*, *дето*, *идето*, *што*), и относительные слова, совпадающие по форме с вопросительными местоимениями и наречиями (*кой*, *де*, *где*, *шо*), еще в XVIII в. в зоне переходных балканских говоров района Средней Старой Планины у границы по *Ѣ* система средств эксплицитного указания на относительное подчинение, присущая и современному болгарскому литературному языку, находилась в процессе своего постепенного становления. Явления "вибрации" по этой изоглоссе в пограничных с нею говорах наблюдаются и в настоящее время.

Данные лингвогеографии убедительно свидетельствуют о том, что центром, откуда шли волны тех инноваций, которые могут быть причислены к синтаксическим балканизмам, была восточноболгарская террито-

рия. Эти инновации охватывали собой и реликты древней славянской системы средств относительного подчинения (ср. родопские формы *ажит*, *ажата*, *ажото* – *ажите*, прошедшие через третий этап развития).

Г. А. Цыхун (Минск)

## СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МЕЖСЛАВЯНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОЙ АРЕАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Многочисленные факты, известные большинству славянских языков и диалектов, образуют так называемый общеславянский языковой фон, на котором выступают редкие межславянские корреспонденции, демонстрирующие сепаратные связи между отдельными небольшими ареалами, либо значительным ареалом, с одной стороны, и сравнительно небольшим, с другой, Ужолокальный характер таких изоглосс делает проблематичной реконструкцию общей праформы или прототипа, особенно в тех случаях, когда отсутствуют формальные критерии отнесения их к праславянскому периоду. Значительным препятствием (часто только в психологическом плане) может служить также наличие соответствующей праформы или прототипа, реконструированных на основе общеславянских фактов, поскольку в славистике все еще преобладает представление об ареальной нерасчлененности праславянского языкового пространства. Между тем признание языкового развития автоматически предполагает наличие ареальной структуры у любого территориально ограниченного языкового пространства, а следовательно и наличие центрального и периферийного (или периферийных) типов того или иного явления. Таким образом, установление на базе общеславянских фактов центрального и на основе редких межславянских изоглосс противопоставленного ему периферийного ареальных типов направлено на реконструкцию ареальной структуры праславянского. Это, как представляется, является более реальной задачей, чем реконструкция диалектного членения, поскольку нет достаточно серьезных оснований для предложения о значительном диалектном различии в рамках праславянского языка. Как известно, ареальная структура формируется в результате контактного взаимодействия с соседними языками и отражает интеграционные процессы в пределах складывающегося языкового единства, в то время как диалектное членение есть результат дифференциации, а в некоторых случаях и распада ранее существовавшего языкового единства. Ряд фактов заставляет признать более вероятным допущение о преобладании интеграционных процессов в праславянском, диалектная же дифференциация связывается скорее всего с периодом значительного расширения праславянской

языковой территории и распадом первоначального единства в поздне-праславянский период, что, по-видимому, объясняется миграционной активностью. В этом случае позднепраславянские диалекты фактически отождествляются с существующей классификацией славянских языков по группам. Впрочем, можно предположить, что определенная дифференциация была присуща праславянскому и на самых ранних стадиях его формирования, отражая его исходную генетическую неоднородность как следствие объединения в нем нескольких территориально близких индоевропейских диалектов. Нет оснований считать, что эта первоначальная диалектная расчлененность праславянской языковой общности могла в дальнейшем углубляться. Скорее наоборот, в ней усиливались центростремительные тенденции, что и привело к формированию простейшей ареальной структуры типа центр—периферия. Исходя из этого, можно предполагать, что чем больше старых общеславянских черт связывает тот или иной славянский язык или диалект с другими славянскими языками и диалектами, тем ближе к центру праславянской общности размещались предки носителей указанных языков и диалектов. В противоположность этому наличие между рядом славянских языков и диалектов специфических соответствий может свидетельствовать, во-первых, об их периферийном расположении в гипотетическом праславянском языковом пространстве, и, во-вторых, об их взаимной близости в пределах этого пространства. Таким образом, постепенное накопление фактов, демонстрирующих частные связи между отдельными славянскими языками и диалектами, позволяет воссоздать в общих чертах и постепенно уточнять и детализировать ареальную структуру праславянского языка. Тем самым открывается перспектива использования в эвристических целях обнаруженных межславянских сходений, рассматриваемых как случайные совпадения.

В. В. Мартынов (Минск)

#### ПРЕЗУМПЦИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СООТНЕСЕННОСТИ И ВЕРИФИКАЦИЯ В КОМПАРАТИВИСТИКЕ

Становление и утверждение компаративистики породило презумпцию генетической соотнесенности. Формальная и семантическая близость древних разноязычных лексем интерпретировалась либо как родство, результат дивергенции, либо как случайное совпадение. Конвергентное сходение для древнейшего периода практически исключалось. Во всяком случае, господствовала убежденность в невозможности установления лексических инфильтраций праязыкового периода. Исключения из этого правила наблюдались достаточно редко (например, реконструкция "пелагского" слоя древнегреческой лексики). Между тем, понимание

невозможности изолированного развития языков на всех стадиях их эволюции диктовало необходимость равноправия процессов дивергенции и конвергенции. В последнее время появилось немало работ, авторы которых разделяют эту точку зрения и стремятся в своих конкретных исследованиях учитывать обе тенденции. К их числу относится молодой австрийский лингвист Г. Хольцер, опубликовавший в 1989 году монографию "Заимствования из одного до сих пор неизвестного индоевропейского языка в праславянском и прабалтийском".

Среди многих интересных в эвристическом отношении результатов Хольцера нам хотелось бы рассмотреть один, перекликающийся с нашими собственными исследованиями. В докладе, предназначенном для X Международного съезда славистов "Праславянский язык и его место в западнобалтийском диалектном континууме" мы рассматривали праслав. *proso* и др.-прус. *prassan* как совместную инновацию, которая имела некоторый общий иноязычный источник. На возможность такого источника указал Хольцер. Он возвел праслав. *proso* к и.-е. *\*bh<sub>2</sub>so* (лат. *far* 'полба, мука крупного помола', др.-исл. *barr* 'ямень', праслав. *\*boršbno* 'мука' и др.), причем *bh > p, ʃ > ro*, что не соответствовало закономерностям праславянской фонетики, но укладывалось в правила другого языка, предположительно "киммерийского". Аналогичные переходы автор зафиксировал в праслав. *\*kroto-* (< и.-е. *\*gh<sub>2</sub>dho*) и праслав. *\*proko-* (< и.-е. *\*bh<sub>2</sub>gho-*). Для праслав. *proso* складывается довольно сложная, но непротиворечивая картина сочетания конвергентных и дивергентных процессов. И.-е. *\*bh<sub>2</sub>so* 'основное культурное растение (в разных индоевропейских этносах разное)'; в итальяском оно приняло вид *\*bhars-* (лат. *far, farris*), преобразовавшись в дальнейшем на этой языковой почве в *\*bharsina* (лат. *farīna < farsina*). В этом словообразовательном облике оно проникло в праславянский (праслав. *boršbno < \*borx<sub>2</sub>bno < \*borsbno*). С другой стороны, и.-е. *\*bh<sub>2</sub>so* в "киммерийском" приняло вид *proso* и в таком виде проникло в западнобалтийский (resp. праславянский). Таким образом, праслав. *\*boršbno* и *proso* одного происхождения, но возникли конвергентно, проникнув в праславянский разными путями.

В качестве нового примера конвергенции в результате итальянской лексической инфильтрации можно привести славянское название крапивы. На основании южнославянских параллелей (болг. *коприва*, серб.-хорв. *кѡприва*, словен. *kopřiva*, чеш. *kopřiva*, в.-луж. *kopřiva*, н.-луж. *kopřiva*) реконструируется праслав. *\*kopřiva*. Мы предлагаем гипотезу об итальяском источнике *\*kapr-iva*. Корневая часть совпадает с итальяским названием козы (лат. *capra* 'коза'). Таким образом *kopřiva* это 'козиная трава'. Ср. белор. *казіна* 'дикая трава, бурьян'.

## ФОНАЦИЯ И ТОН В ТИБЕТСКОМ И ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Тибетский алфавит, созданный в начале VII в., сыграл важную роль в тибето-тангутских культурных связях XI–XII вв. в качестве средства транскрипции тангутской иероглифической письменности. Тибетские транскрипции тангутского письма содержат важные свидетельства не только относительно тангутской фонетики того времени, но также и по исторической фонетике и диалектологии самого тибетского языка.

2. Стечения согласных в начале тибетского слога обладали определенной внутренней структурой. Они состояли из коренной и дополнительной буквы. В зависимости от способа начертания различаются смычные приписные *g-*, *d-*, *b-*, *m-*, *h-* и шелевые надписные *ɣ-*, *l-*, *s-*. Приписные *g-* и *d-* находились в дополнительном распределении относительно коренных букв, и поэтому служили для обозначения одной и той же фонетической единицы тибетского языка. Они не произносятся в современных южных и центральных диалектах, но в северных диалектах и в тибетской транскрипции тангутского письма они произносятся как шелевые *h-* или *ɣ-*. Относительно более раннего произношения этих приписных можно предположить, что они передавали гортанную смычку. Приписные *b-* и *m-* не произносятся в южных и центральных диалектах, но в северных они произносятся соответственно как *p-*, *v-*, *m-*, *n-*. Приписная *h-* представляла собой звонкий ларингальный спирант, который имел разные реализации в зависимости от типа коренной согласной. Надписные имели те же функции, что и приписные. Они не произносятся в современных южных и центральных диалектах, а в северных произносятся соответственно как *ɣ-* или *h-*.

3. В состав стечений начальных согласных обычно включают также и подписные *-y-*, *-r-*, *-l-*, *-w-*. Однако с точки зрения внутрислоговой функции их разумнее было бы отнести к медиали слога. В этом случае структура стечений начальных согласных тибетского языка может получить более ясное истолкование.

4. В тибетском и тангутском языке начальные согласные слогов в силу изолированности слога в речи могут произноситься с различными экскурсивными признаками, основанными на разных состояниях гортани при произношении соответствующего начального согласного. Произношение с сомкнутыми голосовыми связками представляло собой позу для нейтрального произношения начального согласного, произношение согласного с предварительно разомкнутыми голосовыми связками – позу для преаспирированного произношения, произношение согласного с сомкнутыми связками и напряженной гортанью – позу для преглоттализованного произношения. Состояние голосовых связок имеет прямое отношение к высоте тона слога в целом: при напряженных связках имеет место высокотональная, при расслабленных связках – низкотональная поза произношения согласного.

5. Эти экскурсивные признаки, обозначенные начальными элементами стечений согласных, представляют собой разновидности придыхательной фо-

нации, которые различаются между собой по объему резонатора или по характеру препятствия в ротовой полости. Дальнейшее развитие придыхательной фонации в тибетском языке обнаруживает тенденцию к ее упрощению. Результатом такого развития являются представленные в современных диалектах современные системы согласных с чистой оральной преаспирацией, чередующейся с *ɣ*-образной. Примечательно при этом, что артикуляция экскурсивного признака начального согласного имеет второстепенное значение: в диалектах Кам историческая оральная преаспирация может реализовываться как преглоттализация.

6. Фонационные типы тангутского языка проще системы фонаций письменного тибетского языка. Они больше напоминают фонации современных тибетских диалектов Амдо с их преаспирацией типа *h-* и типа *ɣ*. Слоги тангутского языка большого цикла – нейтральная фонация, I малого цикла – -об-разная преаспирация, II малого цикла – *ɣ*-образная преаспирация, III малого цикла – преглоттализация, которая реконструируется на основании китайской транскрипции.

7. Формирование тонов в тибетском языке вызвано утратой звонкости начальных согласных. С ним непосредственно связано исчезновение их экскурсивных признаков. С развитием тонов в южных и центральных диалектах экскурсивные признаки исчезли. В северных диалектах, где тоны не развились, экскурсивные признаки сохранились в весьма упрощенном виде. Формирование тибетского тона происходило под влиянием как начальных, так и конечных согласных тибетского слога. Основным источником образования тона является начальный согласный. При этом слоги с высокотональными глухими инициалами приобретали высокий тон, слоги с низкотональными звонкими – низкий. При этом низкий тон обычно имел тенденцию к повышению в конце реализации. Вторым источником образования тона является конечный согласный. В тибетском письменном языке этим конечным согласным является один из звонких смычных, шелевой *s-* или носовые сонанты. Шумные в аудите способствуют более короткому произнесению слога в целом и понижению тона к концу его реализации. Так сформировались краткие и снижающиеся тоны в диалектах современного тибетского языка.

8. Тональность инициала слога непосредственно связана с ее экскурсивным признаком. Так, приписные *d-* и *g-* перед звонкими и сонантами способствуют образованию высокотональной инициали. Это обстоятельство является одним из аргументов в пользу того, что эти приписные по меньшей мере в южных и центральных диалектах служили знаками преглоттализации соответствующих начальных согласных.

9. Формирование тонов в тангутском языке происходило под влиянием тех же процессов, что и в тибетском. Однако проследить его от истоков невозможно, потому что доступное нам описание тангутской фонетики в словаре "Море письмен" уже содержит слоги, отнесенные к ровному и восходящему тонам. Согласно этому описанию в тангутском языке отсутствуют звонкие начальные согласные. Поэтому естественно предположить, что два тона тангутского языка являются наследием того состояния его фонологической системы, когда существовали глухие начальные согласные, положив-

шие начало слогам ровного тона, и слоги со звонкими начальными согласными, положившими начало слогам восходящего тона. Конечные согласные, которые в тибетском языке сыграли свою роль в образовании тонов, еще сохранялись в языке "Моря писем", но их влияние на тоногенетические процессы тангутского языка неясно, потому что слоги с конечными согласными включены в общий список слогов соответствующих тонов. Возможно, что четыре тона тангутских слогов, различаемых в "Фонетических таблицах" связаны с тональными особенностями слогов с конечными согласными внутри ровного и восходящего тонов.

10. Экскурсивные признаки начальных согласных тангутского языка в их описании в "Море писем" не влияют на тон слогов: слоги с начальными согласными, обладающими общими экскурсивными признаками, встречаются как в ровном, так и в восходящем тонах. Здесь мы имеем дело с их перегруппировкой в соответствии с результатом взаимодействия экскурсивного признака и начальной согласной слога.

С.А. Старостин (Москва)

#### О ЯПОНО-КОРЕЙСКИХ АКЦЕНТНЫХ СООТВЕТСТВИЯХ

Протоалтайская акцентная система до сих пор не восстанавливалась. Это объясняется, прежде всего, недостатком информации по акцентным системам тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В настоящее время остается только надеяться на то, что будущие исследования заполнят эту важную лауну в исторической фонетике алтайских языков.

Достаточно подробной акцентологической информацией мы располагаем только для корейского (где известна система среднекорейской акцентуации) и японского (где реконструирована ПЯ акцентная система и имеются акцентные записи уже с начала 12 века).

Сопоставлению среднеяпонской (по словарю "Руйдзюмэйгисе") и среднекорейской акцентных систем посвящена недавняя работа проф. Мураямы ("Нихонго то канкокуго то но акусэнто но канкэй", Токио 1984). На основании сравнения акцентуации заимствованных слов (скорее всего, при этом, заимствованных из корейского в японский) проф. Мураяма приходит к выводу, что в них корейская и японская акцентовки практически полностью совпадают (т.е. ср.-кор. низкому тону соответствует в ср.-яп. низкий, ср.-кор. высокому — ср.-яп. высокий; ср.-кор. третьему ("долгему") тону, происходящему, по мнению проф. Мураямы, из стяжения последовательности низкого и высокого тонов, в ср.-яп. соответствует именно такая последовательность). Примеры, приводимые в работе, весьма убедительны (ср.-яп. *fōtōkē* 'Будда': ср.-кор. *puhja*; ср.-яп. *tēgā* 'храм': ср.-кор. *tjǎg*; ср.-яп. *koōgi* 'губерния, префектура': ср.-кор. *koŋ*; ср.-яп. *nāta*: ср.-кор. *nāt* 'серп' etc.).

Однако далее проф. Мураяма, переходя к рассмотрению акцентных соответствий в исконно родственной японской и корейской лексике, утверждает, что и в этом лексическом слое налицо такая же система соответствий. Это демонстрируется на 16 примерах, не все из которых, по нашему мнению, яв-

видимому, варчантом вопрос. нестоимечи  
пайи 'что', ив

ляются доказательными. Так, ср.-кор. отрицательный глагол *ani* — следует сопоставлять не со ср.-яп. *ani* 'как, разве' (данное слово является, по-ср.-яп. отрицательным прилагательным *na*); ср.-кор. *kāt* 'ходить' следует сопоставлять не со ср.-яп. *kāti* 'хождение пешком', но со ср.-яп. *kājōb-u* 'ходить'; ср.-кор. *ū(h)* 'верх' скорее следует сопоставлять не со ср.-яп. *ōkō-sū* 'поднимать', но со ср.-яп. *ū-fē* 'верх'; распространенное обличение ср.-кор. *kēs* 'вещь' и ср.-яп. *kōto* 'дело' следует, по-видимому, отвергнуть, поскольку соответствие кор. -s: яп. -t больше не наблюдается ни в одном известном нам сколько-нибудь надежном случае; то же самое следует сказать о сопоставлении ср.-кор. *čjāk-*, *čjāk* 'маленький' со ср.-яп. *sūkō-si* 'мало', *sūkū-nā-si* 'немногий' (соответствие кор. č-: яп. s-, по-видимому, отсутствует); ср.-кор. *pjǎ* 'рис' следует сопоставлять не со ср.-яп. *fije* 'куриное просо', но со ср.-яп. *ifi* 'вареный рис'; наконец, вряд ли заслуживает одобрения сопоставление ср.-кор. *ni* 'зуб' со ср.-яп. *ni* в *nīkām-ū* 'спорить, браниться, пререкается'. Для ср.-кор. *kāt(h)* - 'быть похожим', сопоставляемого со ср.-яп. *-gōtō-si* 'похожий', зафиксирована также акцентная запись *kāt(h)-*, так что этот случай двусмысленен.

Остается восемь примеров, демонстрирующих акцентные соотношения по правилам, предложенным проф. Мураямой: ср.-кор. *kōč* 'цветок': ср.-яп. *kūsā* 'трава'; ср.-кор. *ǎp-* 'нести на плечах': ср.-яп. *ōf-ū id.*; ср.-кор. *pǎrk-* 'светлый': ср.-яп. *fārē-* 'проясняться (о погоде)'; ср.-кор. *ip* 'рот': ср.-яп. *if-ū* 'говорить', ср.-кор. *mǎŋ* 'вода': ср.-яп. *mīd.*; ср.-кор. *mōm* 'тело': ср.-яп. *mi id.*; ср.-кор. *kōp-*: ср.-яп. *kufa-si* 'красивый, милый'; ср.-кор. *sjǎm* 'остров': ср.-яп. *sima id.* К ним мы можем добавить еще некоторое количество примеров:

а) кор. низкий тон: японский низкий тон  
*kārhi* ~ *kārhiŋ*: ПЯ *kārā* 'кора' (хотя в данном случае для ПЯ можно восстанавливать варианты \**kārā* и \**karā*)  
*pǎŋ* 'толстый, сытый': ПЯ \**pūtua-* 'толстый'  
*čip* 'дом': ПЯ \*(d) *ipia*  
*nǎŋ* 'нечто сырое': ПЯ \**nā* '(сырые) овощи'  
*njǎki* 'читать (что-л. чем-л.)': ПЯ \**nīakā-p* 'желать, стремиться (к чему-либо)'

б) кор. высокий тон: японский высокий тон  
*kūi* 'ухо': ПЯ \**ki-k-* 'слышать'  
в) кор. "долгий" тон: японский низкий тон  
*kōŋ* 'долина': ПЯ \**kuruā* 'небольшая возвышенность'  
*tǎŋ-ǎp-* 'быть грязным', *tǎŋ-m-* 'пачкаться': ПЯ \**tūtū* 'земля'.

Однако все эти примеры оказываются в абсолютном меньшинстве по сравнению с основной массой японско-корейских сходжений, в которых обнаруживается диаметрально противоположная система соответствий в первых слогах, а именно:

кор.	яп.
˘ (низкий тон)	˘ (высокий тон)
˘ (высокий тон)	˘ (низкий тон)
— ("долгий" тон)	˘ (высокий тон)

Ср. следующий материал (по всей видимости, еще не полный):

а) ср.-кор. : ПЯ (А)

pàth : pàtá 'поле'; p̄r̄ : p̄r̄(n) k̄ur̄i 'мошонка';  
t̄ark 'курица' : t̄ar̄i 'птица'; th̄ā- : d̄ak̄, t̄ak 'жечь';  
n̄ān- 'продвигаться вперед' : ìn- 'уходить'; ç̄ur̄ 'веревка';  
линия : t̄ur̄á 'линия'; ç̄òçh- : s̄itá-(n) k̄ár 'следовать';  
ù(h) : ú-ра- 'верх'; p̄r̄i : r̄at̄i 'пчелая; mòró:  
m̄ar̄i 'лес'; p̄at̄ar̄ : p̄at̄á 'край'; n̄ir̄o- ~ n̄ir̄ā:  
n̄ar̄ 'называть, возвещать'; n̄j̄ar̄m : n̄at̄u 'лето'; ç̄ar̄ā:  
t̄ar̄ 'быть достаточным'; k̄ar̄ā- : k̄ar̄ 'менять, брать в долг';  
h̄ar̄i : k̄ar̄si 'поясница'; t̄ar̄ā 'другой'; d̄ar̄s̄ā 'другая сторона'; ç̄ur̄k̄ú:  
t̄ur̄ú 'лоза'; ð̄n̄i : an̄iá 'старшая сестра'; m̄ān̄ām 'сердце': m̄un̄ā  
'грудь'; ak̄ui 'рот'; ak̄m-n̄i 'клык'; ak̄i 'челюсть'; n̄ā 'ты': ПЯ \*n̄ā;  
th̄or̄ 'коготь': ПЯ \*t̄um̄á; m̄i-k̄ā 'тяжелый': ПЯ \*ç̄m̄ā; k̄j̄at̄(h) 'сторона':  
ПЯ \*k̄at̄ā; t̄ar̄i 'сопровождать': ПЯ \*t̄ur̄ā-, и др.

б) ср.-кор. : ПЯ (В)

p̄āi : p̄un̄ā- 'лодка'; s-рj̄ā : p̄n̄iá 'кость'; p̄ar̄ : p̄a(n) ki 'нога',  
p̄āi : p̄ar̄ā 'живот'; m̄ar̄ : m̄as̄u 'мерка'; m̄ir̄h : m̄un̄ki 'ячмень'; h̄āi- :  
s̄ir̄uā- 'белый'; p̄ar̄ : p̄ā- 'огонь'; s̄ar̄p : s̄ar̄i 'лопата, мотыга'; k̄ar̄- :  
k̄as̄u-г- 'царапать, скрести'; ç̄j̄āç : t̄i, t̄it̄i 'грудь'; n̄u- n : m̄a(i) N  
'глаз'; h̄āi 'солнце'; suā-rā 'небо'; p̄ā : p̄ā 'место'; n̄u- : m̄ā- 'что';  
p̄h̄ar̄i : p̄ar̄ā 'поле, равнина'; u-гi 'мы'; b̄ā- 'я'; t̄ur̄m̄i : t̄ur̄ā- 'жу-  
равль'; ç̄ir̄k̄ar̄ : j̄ar̄k̄ar̄- 'радоваться'; p̄ar̄j̄am : ПЯ \*p̄ar̄im̄ā- 'змея'; t̄ar̄:  
ПЯ \*t̄uk̄iūN 'луна'; s̄ar̄h: ПЯ \*s̄is̄i 'мясо'; k̄ur̄um : ПЯ \*k̄um̄uā-N 'облако';  
p̄ar̄ā 'надеяться, просить': ПЯ \*p̄ar̄ 'желать'; th̄ak̄ 'холм': ПЯ \*t̄ak̄ā  
'холм; высокий'; an̄h 'середина': ПЯ \*n̄ak̄ā id., и др.

с) ср.-кор. : ПЯ (С)

p̄ar̄ (вариант p̄ar̄i, см. выше) : r̄at̄i 'пчела'; m̄ōi 'гора' (вариант mòró,  
см. выше) : m̄ar̄i 'лес'; \*ç̄j̄ar̄ 'быть соленым': t̄ur̄á 'горький, противный';  
t̄am : t̄um 'накладывать'; t̄ōh : \*(d) isi 'камень'; k̄āt : k̄ajuā-р 'ходить';  
n̄ū-р : n̄ā 'лежать'; \*p̄ar̄ : r̄at̄á 'уставать, истощаться'; k̄ar̄-k̄i 'грива':  
k̄ā-i 'волос'; k̄r̄ 'этот': ПЯ \*k̄ā; p̄j̄ar̄ 'звезда': ПЯ \*p̄ar̄si и др.

Таким образом, несмотря на некоторое количество исключений, в основном корпусе корейско-японских лексических совпадений устанавливаются вполне строгие регулярные соответствия, позволяющие реконструировать по крайней мере прото-корейско-японскую систему тональных оппозиций на 1-м слоге. Она, видимо, состояла из двух тонов (\*А и \*В; к сожалению, из-за "контрастности" соответствий между японским и корейским сейчас вряд ли еще можно дать этим реконструируемым тонам фонетическую интерпретацию). Соответствие С, судя по всему, отражает тон \*А (ПЯ \*ç) на долгих гласных. Что касается четвертой возможности, т.е. тона \*В (> ПЯ \*ç) на долгих гласных, то такая комбинация, очевидно, также существовала; об этом можно судить хотя бы по тому, что алтайским корням с долгими гласными достаточно часто соответствуют японские корни с низким тоном (и, соответственно, корейские с высоким). По всей видимости, в

протокорейском происходил вторичный процесс сокращения долгих гласных при тоне \*В, в результате чего мы в настоящее время по корейским и японским данным уже не можем различить противопоставление по долготе при этом тональном соответствии.

В.А. Дыбо (Москва)

## К ВОПРОСУ О ТИПАХ СИСТЕМ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО АКЦЕНТА

Парадигматическими акцентными системами (или системами парадигматического акцента) принято называть системы, характеризующиеся двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными (акцентуационными) парадигмами, по которым распределены все слова соответствующего языка следующим образом:

1. В корпусе производных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или в значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно.

2. В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип).<sup>1</sup>

Морфологический анализ таких систем приводит к выводу, что они могут быть экономно описаны, если мы разделим все морфемы языка на акцентуационные классы, определяемые приписанными им "валентностями" – морфологическими сущностями, посредством которых выражается некое отношение между морфемами разных классов, называемое отношением доминантности – рецессивности (термин заимствован из генетики).

Согласно этому отношению все морфемы "низших валентностей" при наличии в словоформе морфем "высших валентностей" (доминантных) считаются как бы несуществующими (скрытыми – лат. *recessus* 'скрытый') при применении *контурного правила*, т.е. правила, описывающего тип акцентного контура – порядка размещения ударного слога (следовательно, ударения – иктуса) по отношению к другим слогам словоформы.

Практически во всех изученных нами акцентных системах наблюдается два класса валентностей: доминантные (высшие), маркируемые знаком +, и

<sup>1</sup> Как правило, в языках с парадигматическим акцентом какая-то часть лексики, обычно часть словообразовательных типов, выбирает определенный акцентный тип механически, независимо от акцентного типа производящего. Этот характер связи акцентного типа получил наименование "категориальный принцип организации акцентной системы". Сравнительно-историческое исследование парадигматических акцентных систем позволяет предполагать в общем случае вторичное проникновение в них "категориального принципа" в результате генерализации определенных акцентных типов внутри соответствующих категорий лексики, словообразовательных типов или грамматических категорий.



рецессивные (низшие), маркируемые знаком —. Но теоретически таких валентностей, вероятно, может быть и больше, важно лишь, чтобы между ними существовала градация и правило, согласно которому в словоформе морфемы, самые высокие по шкале градации, рассматривались бы как доминирующие, а все морфемы, низшие по этой шкале, относились бы в разряд рецессивных и не учитывались бы контурным правилом.

Встречено два типа парадигматических акцентных систем, различаемых видом контурного правила: 1) акцентные системы балто-славянского типа: два класса валентностей (+ и —), контурное правило предписывает постановку иктуса на начало первой последовательности морфем высшей валентности; 2) акцентные системы абхазско-убыхского типа: два класса валентностей (+ и —), контурное правило предписывает постановку иктуса на конец первой последовательности морфем высшей валентности.

Очевидно, что контурные правила в этих двух типах акцентных систем тождественны контурным правилам, действующим в языках с демаркационным акцентом, причем самого тривиального вида: 1) ударение ставится в начале последовательности морфем, образующей словоформу (или фонетическое слово); 2) ударение ставится в конце последовательности морфем, образующих словоформу (или фонетическое слово).

Естественно предположить, что эти типы парадигматических акцентных систем возникли в результате фонологизации акцентного контура, в связи с падением какого-то просодического качества, различавшего ранее классы морфем с разной акцентной валентностью, которое и диктовало такой способ функционирования контурного правила. Известно, что подобная постановка акцента наблюдается в тоновых языках, а именно: в ряде тоновых языков ударение ставится в начале (в конце) платформы высоких тонов (последовательности слогов или морфем с высоким тоном), при этом предшествующие ей/следующие за ней низкие тоны (слоги с низкими тонами) в расчет не принимаются. Это наблюдение позволяет поставить системы парадигматического акцента в типологическое соответствие подобным тоновым системам и выдвинуть тонологическую гипотезу происхождения парадигматических акцентных систем.

Возникает вопрос, всякие ли парадигматические акцентные системы устроены таким образом, что "метод маркировок" существенно проясняет их "глубинную структуру", приводя к иерархии доминантных и рецессивных морфем. И, если существуют такие парадигматические акцентные системы, в которых подобную иерархию обнаружить не удастся, то можно ли их поставить в типологическое соответствие с какими-то тоновыми системами и предполагать в них также историческое *отображение* соответствующих тоновых систем<sup>2</sup>.

2 Второй вопрос естественным образом связан с первым, так как именно наличие такой иерархии между устойчивыми имманентными морфонологическими характеристиками морфем (при преобладающей однослоговости морфем в рассматриваемых языках) явно указывало на необходимость поиска типологических аналогов среди систем с устойчивыми имманентными *фонологическими* характеристиками морфем (или их слогов).

В этом отношении особый интерес представляет тагальская акцентная система. Ее пять традиционных акцентных типов фактически сводятся к двум: I. *oxytona* и II. *paroxytona*. *Oxytona* объединяют традиционные типы: *Mabilís* (с сильным ударением на последнем слоге) и *Maragsá* (с сильным ударением на последнем слоге и с гортанной смычкой в конце слова). *Paroxytona* объединяют традиционные типы: *Malumay* (слова со слабым ударением на предпоследнем слоге) и *Malumì* (слова со слабым ударением на предпоследнем слоге и с гортанной смычкой в конце слова). Гортанная смычка в обоих случаях представляет собой реликтовый сегментный элемент и к акцентной системе, строго говоря, не относится. Пятый традиционный акцентный тип *Mariín* включает слова предшествующих четырех, осложненные наведенным аффиксами второстепенным (более слабым) ударением, стоящим обычно на третьем от конца слоге.

Распределение этих двух акцентных типов в корпусе неизпроизводных основ явно традиционно и немотивировано, с синхронной точки зрения.

Среди производных имеются некоторые словообразовательные типы, выбор акцента в которых можно рассматривать как категориальный, но основная масса производных суффиксальным и конфиксальным образования обнаруживает парадигматический выбор акцента:

#### I. *Paroxytona* от *paroxytona*.

Суфф. *-an*, конф. *ka- ... -an*: 1. *ʔábat* 'засада' ~ *ʔabát-an* 'устраивать засаду'; *ka-ʔabát-an* 'засада'; 2. *ʔáriʔ* 'имущество, собственность; богатство' ~ *ʔáriʔ-an* 'общая сумма доходов и имущество владельца', *ka-ʔáriʔ-an* 'ид'; 3. *ʔáwaj* 'ссора, драка' ~ *ʔawáj-an* 'драка, потасовка', *ka-ʔawáj-an* 'причина ссоры, драки'; 4. *bájad* 'плата' ~ *bajár-an* 'платить', *ka-bajár-an* 'заработная плата'; 5. *báwas* 'сокращение' ~ *bawás-an* 'сокращать', *ka-bawás-an* 'сокращение, уменьшение'; 6. *bároʔ* 'одежда' ~ *báriʔ-an* 'одевать кого-л.'; *ka-báriʔ-an* 'манера носить одежду; кусок материи'; 7. *bása* 'чтение' ~ *basáh-an* 'читать', *ka-basáh-an* 'пословица; прочитанное'; 8. *bálot* 'покрытие' ~ *balút-an* 'покрывать', *ka-balút-an* 'оберточный материал'; 9. *báway* 'чеснок' ~ *bawáy-an* 'приправлять блюдо чесноком'; 10. *bílaj* 'счет, номер' ~ *ka-biláj-an* 'количество'; и т.д.

Суфф. *-in*: 1. *ʔáriʔ* 'имущество' ~ *ʔáriʔ-in* 'владеть'; 2. *ʔákor* 'крыша' ~ *ʔakúr-in* 'накрывать крышей'; 3. *ʔárog* 'известь' ~ *ʔarúg-in* 'приготавливать известковый раствор'; 4. *ʔáwaj* 'ссора' ~ *ʔawáj-in* 'ссориться'; 5. *ʔawat* 'разделение' ~ *ʔawát-in* 'разнимать'; 6. *ʔasáwa* 'супруг(а)' ~ *ʔasawáh-in* 'сочетаться браком'; 7. *bábaʔ* 'подбородок' ~ *babáʔ-in* 'подтягиваться до подбородка, ударять в подбородок'; 9. *bágo* 'новый' ~ *bagúh-in* 'менять, обновлять'; 12. *balikat* 'плечо' ~ *balikát-in* 'нести на плече'; и т.д.

Суфф. *-an*, конф. *ka...-an*: 1. *ʔabók* 'пыль' ~ *ʔabuk-án* 'пылить'; *ka-ʔabuk-án* 'пыльность, порошкообразность'; 2. *ʔabó* 'зола, пепел' ~ *ka-ʔabuh-án* 'зольность, испепеленность'; 3. *ʔanáʔ* 'дитя, ребенок, отпрыск' ~ *ka-ʔanáʔ-án* 'детство, дети'; 4. *ʔatip* 'крыша' ~ *ʔatip-án* 'покрывать крышей'; 5. *bakás* 'след, отпечаток' ~ *bakas-án* 'оставлять следы', *ka-bakas-án* 'следы, отпечатки'; 6. *balik* 'возвращение' ~ *balik-án* 'возвращать; приводить'; 7. *batakán* 'ленивый' ~ *ka-batakan-án* 'лень'; 8. *bibig* 'рот' ~ *bibig-án* 'выражать словами'; *ka-bibig-án* 'очертание рта'; 9. *taʔás* 'высота' ~ *taʔas-án* 'поднимать, повышать', *ka-taʔas-án* 'высота'; 10. *talim* 'острота, заостренность' ~ *talim-án* 'точить, затачивать; делать острым'; *ka-talim-án* 'острота, заостренность'; и т.д.

Суфф. *-in*: 1. *ʔabó* 'зола' ~ *ʔabuh-in* 'чистить золой'; 2. *ʔasám* 'желание, поиск' ~ *ʔasam-in* 'искать, предвкушать'; 3. *ʔugát* 'корень; вена, кровеносный сосуд; жила, жилка' ~ *ʔugat-in* 'пускать корни'; 4. *baháʔ* 'потоп' ~ *bahaʔ-in* 'затоплять рисовое поле'; 5. *bakás* 'след, отпечаток' ~ *bakas-in* 'прощупывать почву под ногами; идти по следу'; 6. *bató* 'камень' ~ *batuh-in* 'кидать камнями'; 7. *basáʔ* 'мокрый' ~ *basaʔ-in*, *basaj-in* 'мочить'; 8. *daʔán* 'дорога, путь' ~ *daʔan-in* 'заходить на минутку'; 9. *kukó* 'ноготь, коготь' ~ *kukuh-in* 'царапать (кого-л.); стричь ногти (кому-л.)'; 10. *matá* 'глаз' ~ *matah-in* 'следить, наблюдать; смотреть зло, со злостью'; и т.д.

Очевидно, что маркировка в данном случае не приводит к установлению каких-либо иерархических отношений между двумя типами корневых морфем: они представляются совершенно равноправными; что касается суффиксальных морфем, то они, по-видимому, в данном корпусе производных никак не влияют на выбор акцентного типа, который зависит исключительно от корневой морфемы. Что особенно выделяет тагальскую акцентную систему из известных парадигматических акцентных систем — это "скользящий" характер акцентного контура: окситоны передают свой акцент следующему слогу суффикса, восстанавливая в производных окситонезу, аналогично парокситоны передвигают акцент на следующий слог при присоединении суффикса, восстанавливая в производных парокситонезу. Это "скольжение", по-видимому, является важным аргументом в пользу просодических истоков тагальского ударения.

Этот "скользящий" тип акцентных контуров заставляет искать типологические аналоги данной парадигматической акцентной системе среди тоновых языков с "скользящими" тональными платформами. Ближайшим таким аналогом для тагальского представляется просодическая система японского диалекта Нагасаки.

ИНЛАУТНЫЕ ГУТТУРАЛЬНЫЕ  
В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ И ПРААЛТАЙСКОМ

1. В результате полного анализа материала Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков (I — Л., 1975, II — Л., 1977) оказалось, что для пратунгусо-маньчжурского в инлауте следует различать не две (k, g), а три гуттуральных фонемы (k, x, g; таким образом, в инлауте имеется тот же набор, что в анлауте). Рефлексы k и x различаются в следующих позициях:

	Эвк.	Сол	Эвн	Нег1	Орч	Удэ	Ульч	Орк	Нан	Ма
*aka	k	k,x	k	k;x	k	k	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	x
*axa	k	k,γ	k	k;x	k	(γ)	x	x	x	x
*aku	k	k	k	k;x	k	∅/k	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	k
*axu	k	x	k	(k)	k	∅/k	∅	( <sup>ʔ</sup> k)	∅	x
*aki	k	x	k	k;x	( <sup>ʔ</sup> k)	(k)	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	k
*axi	k	—	k	k;x	k	(γ)	∅	∅	∅ (Бк k)	x
*oxa	—	—	—	x	( <sup>ʔ</sup> k)	—	x	( <sup>ʔ</sup> k)	x	—
*oko	k	k,x	k	k;x	( <sup>ʔ</sup> k)	∅/k	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	x <sup>2</sup>
*oxo	k	(x)	k	k;x	x	∅/x	x	( <sup>ʔ</sup> k)	x	x
*oke	k	x	k	k;x	—	γ/x	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	x
*oxe	k	x	k	k;x	k	∅	∅	( <sup>ʔ</sup> k)	∅	x
*oki	k	x	k	k;x	k	(k)	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	x
*oxi	k	x	k	k;x	k	(∅)	∅(j)	( <sup>ʔ</sup> k)	∅(j)	x
*eke	k	—	k	k;x	k	∅/x	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	x
*exe	k	—	k	(k)	k	γ/x	x	( <sup>ʔ</sup> k)	x	x
*eku	k	x	k	k;x	k	k	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	x
*exu	k	x	—	k;x	( <sup>ʔ</sup> k)	x	∅	( <sup>ʔ</sup> k)	∅	—
*uka	k	—	k	k;x	( <sup>ʔ</sup> k)	—	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	k
*uxa	k	k/x	k	k;x	( <sup>ʔ</sup> k)	k/g	—	—	x	x
*uke	k	—	k	k;x	( <sup>ʔ</sup> k)	k	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	k
*uxe	k	x	k	k;x	k	g	∅	( <sup>ʔ</sup> k)	Бк x	x
*uku	k	x	k	k;x	k	g/x/k	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	k
*uxu	k	—	k	—	x	g/x/k	x	x	x	x
*uki	k	—	k	k;x	k	k	k	—	k	k
*uxi	k	—	k	k;x	k	g	k	( <sup>ʔ</sup> k)	x	x
*ika	k	x	k	(x)	k	g/x	k	( <sup>ʔ</sup> k)	k	k
*ixa	—	x	—	(x)	x	g/x	x	x	x	x
*ike	—	—	—	(x)	k	(g)	k	—	k	—
*ixe	k	x	k	k;x	k	(g)	∅	∅	∅	k

1 В эвк, сол, эвн, удэ рефлексы интервокальных \*k и \*x не различаются (варьируя по диалектам). То же в негидальском (рефлекс k в верхнеамгунском говоре, x в нижнеамгунском).

2 Внутриманьчжурское развитие: x > k (x получается при элизии).

*iko	k	x	k	k;x	k	x/k	-	-	k	-
*ixo	k	-	-	-	-	g/x	-	-	x	-
*iku	k	-	k	(x)	k	-	-	-	-	k
*ixu	k	x	k	(x)	-	-	∅	∅	∅	x
*iki	<sup>3</sup> k	x	k	k;x	k	x/k	k	k	k	k
*V <sub>k</sub> (R)	γ/k	k/gk/γ/∅	k;x	k;x	k̄	g/k/∅	k	k̄	k	k
*V <sub>x</sub> (R)	γ	γ	-	k;x	x	-	x	x	x	x
*V <sub>j</sub> k(V)	-	-	-	(x)	k	k	∅/j	∅/j	Bkk	(j)x
*V <sub>j</sub> xV	j	j	j	j	j	j	j	j	j	jx

2. Эти две фонемы входят в следующие ряды алтайских соответствий:

а) ТМ \*k, Мо \*g, Тю \*k (ПА \*k): ТМ \*baka- 'искать, найти', Тю \*bak- 'смотреть'; ТМ \*deken 'последняя пара собак в упряжке', Мо \*dege- 'цеплять', Тю \*jek- 'впрягать'; ТМ \*eke- 'слабый, плохой', Мо \*egel 'не особенно хороший, глупый', Тю \*ek-sü- 'слабеть, ухудшаться, уменьшаться'; ТМ \*tekel- 'пень, корень, основа', Мо \*tege-čeg 'пень, корень, стерня', Тю \*čököš 'пень'; ТМ \*deke 'тальник; изделия, плетеные из тальника', Тю \*jeken 'камшы, изделия, плетеные из камыша'; ТМ \*jeka- 'петь ругательные песни', Мо \*jegeyu 'ирония'; ТМ \*ekej/keke 'старшая сестра', Мо \*ege-či 'id.', Тю \*eke 'мать, младшая тетка' (> Мо eke 'мать'); ТМ \*feku- 'обидеться', (?) Мо: халха *эгдүү* 'возмущение, негодование', письм. egdegü; ТМ \*luka 'детеныш рыси', Мо: халха, бур. *ногоол* 'детеныш рыси'; ТМ \*žuke 'едва, простой', Мо \*žug- 'вдруг, но', ТМ \*muku- 'набрать в рот жидкость', Тю \*böк- 'наедаться'; ТМ \*fuku(-γan) 'зоб', Мо \*bagal/- 'горло', Тю \*bokagu 'зоб' (> Мо baqagu 'зоб (болезнь), астма'), \*bokurdak 'кадык, гортань'; ТМ \*fika- 'задница', Тю \*bikiñ 'бедро, бок'; ТМ \*(ñ)iku- 'спинной мозг'<sup>4</sup>, Мо \*nigur-sun 'спинной мозг'; ТМ \*ñi-kuj 'утка', Мо \*nigusun 'id.'; ТМ \*ñi/ek- 'шея, загривок', Мо \*žagal 'пятна на загривке', Тю \*jaka 'воротник'; ТМ \*takla- 'использовать, посылать', Мо \*tajila- 'отпускать'; ТМ \*mujki 'змея', Мо \*mogaj 'id.'; ТМ \*tujk- 'падать', Мо \*teγus- 'кончатся, полный'.

б) ТМ \*x, Мо \*k, Тю \*k (ПА \*k'): ТМ \*tax- 'зацепиться', Тю \*tak- 'цеплять'; ТМ \*čāxan 'предплечье', Тю \*čakn- 'id.'; ТМ \*axu- 'старший брат', Мо \*aka, Тю \*āka 'id.'; ТМ \*giaxujñ 'ястреб', (?) Тю \*čokkenek 'пустельга'; ТМ \*kaxi 'злой', Мо \*kaki- 'злиться', Тю \*kakiğ 'гнев'; ТМ \*toxo- 'изнемогать, кончатся', Мо \*toke- 'гибнуть, угасать', Тю \*muka- 'изнемогать'; ТМ \*toxon 'луговица', Тю toku 'пряжка'; ТМ \*koxe- 'сосать', Мо \*koken- , Тю \*kekyz 'грудь'; ТМ \*ñioxe 'кобель', Мо \*mokai 'собака'; ТМ \*böxi- 'бедро', Мо \*bokaγur 'зад'; ТМ \*nexu 'сын/дочь се-

стры матери младше ego', (?) Мо \*nekelei 'незаконный ребенок', \*nekun 'раб, домочадец': ТМ \*fuxe- 'скатиться сверху', Мо \*eke- 'опускаться', Тю \*ek- 'свалиться'; ТМ \*uxe 'жена младшего дяди/брата', Мо \*ekin 'дочь ⇒ самка' (> ТМ \*uki 'самка'), Тю \*eke 'младшая сестра/брат'; ТМ \*ñixu- 'месить тесто', Мо \*niku- 'id.'; ТМ \*fuxi- 'поворачивать назад', Мо \*(h)ukira- 'пятиться'; ТМ \*ixon 'поселок', Тю \*uk (чув. jāx) 'род' (> Мо ug 'id. '); ТМ \*miaxla- 'кланяться', Мо \*mekui- 'id.'; ТМ \*sexli 'чуткий', Мо \*seke- 'приходить в сознание'; ТМ \*fejxi 'лоб, мозг', Мо \*hekin 'мозг'.

в). Группа сближений, которые, по-видимому, указывают на необходимость реконструкции в ПА увулярного ряда:

ТМ \*k, Мо \*γ, Тю \*g (ПА \*G): ТМ \*taku- 'чинить, латать', (?) Мо \*taya-га 'подходить, быть впору', Тю \*tagra- 'улучшать, зашивать'; ТМ \*nakun 'курица', (?) Тю \*jaguru 'птенец'; ТМ \*xaku-xan 'кукла', Тю \*kagurčak 'id.'; ТМ \*tarakaj 'галка, ворона', Мо \*turaγun, Тю \*toγgaj 'вид птицы'; ТМ \*boki- 'связать', Мо \*boγu-, Тю \*bog- 'id.'; ТМ \*tokon 'середина', Мо \*toγuna 'узел, крестовина, круг верхнего отверстия юрты'; ТМ \*feku- 'жаркий'. Мо: ср.-мо heγü-si- 'страдать от жары'; ТМ \*tuk- 'ходить на промысел', Мо \*tuγur- 'предпринимать'; ТМ \*kūku. 'лебедь', Тю \*kugu 'id.' (Мо \*kuna); ТМ \*xukuj- 'завернуть, обернуть', Мо \*kujila- 'свертывать в рулон'; ТМ \*uki- 'драть бересту', Мо \*ujilsun 'береста'; ТМ \*tūki- 'рыбачить в узкой протоке маленькой сетью', Тю \*tug 'запруда, верша'.

ТМ \*x, Мо γ, Тю \*g (ПА \*X): ТМ \*saxarin 'черный', Мо \*sayaral 'серый'; ТМ \*žixa 'монета', Мо \*žoyusun 'id.'; ТМ \*siaxura- 'замерзнуть', Тю \*soguk 'холодный', ТМ \*faxujñ 'печень', Тю \*baγir 'id.'; ТМ \*dexu-eme 'младшая сестра матери', \*dexu-ama 'муж младшей сестры матери', Мо \*deγu 'младший брат', Тю \*jegen 'сын младшей сестры матери' (> Мо \*žeye 'id.' ); ТМ \*nux- 'спать', Мо \*nojir 'сон'; ТМ \*tuxi- 'брат в охапку', Мо \*tuγu- 'собирать, рвать'; ТМ \*fuxin 'внутренности', Мо \*beγere 'почки' (> Тю), Тю \*beγuz-ek > \*beγsek 'брюшная полость ⇒ поясница' (> Мо bekse 'зад' > Тю bekse 'зад'); ТМ \*xixen 'серьга', Мо \*keγe, (?) Тю \*kije 'украшение'.

По-видимому, в Тю увулярный + C = ∅C, ср.: ТМ \*žokon 'углубление между лопатками, внутренний угол', Мо \*žoyan 'поясничная часть спины', Тю \*jon 'хребет животного'; ТМ \*šixen 'моча', Мо \*siγe-, Тю \*si-δ- 'мочиться'; ТМ \*fok/x(o)čo, Мо \*(h)uγuča, Тю \*čiča 'крестец'.

<sup>3</sup> R = r, l, n, ŋ; в совр. языках эти сочетания отражаются со вставкой гласной: при первой широкой – u/i (перед i), при первой узкой – e/u (перед u).

<sup>4</sup> Начальный согласный – как, например, в ТМ \*ñimu- 'жир, мазать', Мо \*пумžig 'жирный, масляный'.

## К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СЕМИТО-ХАМИТСКОМ

В семито-хамитских языках имеется серия личных местоимений, образованных из сочетания морфемы, условно реконструируемой как \*Vn-, с собственно местоименными морфемами лица и числа. Эта серия личных местоимений представлена следующими формами (здесь и далее не рассматриваются формы 3-го л.): 1) егип. 1 sg. *ʔnk*, 1 pl. *ʔnn*, а также в форме *n-* во 2-м л.; 2) сем. 1 sg. *ʔanī*, *ʔanā*, 2 sg. m. *ʔanta*, 2 sg. f. *ʔanti*, 1 pl. *ʔan-ah-nV* (если не предполагать здесь несколько иного членения — *ʔan-ah(V)nV-*), 2 pl. m. *ʔantūm(u)*, 2 pl. f. *ʔantina*; 3) берб. 1 sg. *\*(ʔV)nk/i* и, возможно, 1 pl. *\*(ʔV)nkun-*; 4) агав. 1 sg. *ʔan-*, 2 sg. *ʔa/inti*, 2 pl. *ʔanti/an-* 5 беджа 1 sg. *ʔani*, возможно, и 1 pl. *hanin* < *\*ʔanin-*; 6) галла-сом. 1 sg. *\*ʔana/i*, 2 sg. *\*ʔatti* < *\*ʔanti*, 1 pl. *\*ʔan(V)na* 2 pl. *\*ʔatin-* (аналогичные формы обнаруживаются и в других кушитских языках). Сюда же могут относиться и чадские формы 1 sg., указывающие на *\*ʔa(n)i*.

Этимологическое тождество собственно местоименных морфем и глагольных личных показателей очевидно. Сопоставление префиксальных и суффиксальных типов спряжения в различных семито-хамитских языках приводит при этом к единственному выводу о том, что названные морфемы, собственно, и являются старыми семито-хамитскими личными местоимениями, позднее вместе с глаголом претерпевшими универбацию. Различия типов спряжения естественно понимать в таком случае как различия в порядке слов (Pron — V — Aux и V — Pron — Aux), в конечном счете связанные с логико-грамматическим значением глагольной основы.

Таким образом, между "парадигмой" личных местоимений и суффиксальным спряжением глагола в презенсе, в сущности, нет принципиальной разницы, поскольку названные выше личные местоимения также имеют структуру *\*Vn- — Pron — Aux*. Это позволяет отказаться от принятой трактовки *\*Vn-* как "указательного" (или любого другого прономинального) элемента и видеть в нем глагольную основу. Такая основа, действительно, обнаруживается в кушитском, где имеется *verbum substantivum* агав. *ʔan- / ʔin-*, беджа *ʔa(a)n-*, сахо-афар *\*ʔan- / \*ʔin-*. Независимые семито-хамитские личные местоимения представляют собой, следовательно, старую суффиксальную парадигму презенса *verbum substantivum*.

В.Л. Цымбурский (Москва)

## НОСТРАТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА В РЕКОНСТРУКЦИИ В.М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА И ПРОБЛЕМА ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ЭТРУССКОГО ЯЗЫКА

Большое значение, которое В.М. Иллич-Свитыч при доказательстве родства ностратических языков придавал, в традициях классической компаративистики, сравнению местоимений, а также глагольных и именных формантов

как базисный части языковой структуры, побуждает поставить вопрос: позволяет ли список реконструкций такого рода, проработанных или хотя бы намеченных в опубликованных частях "Словаря" Иллич-Свитыча, в самом деле отделить языки ностратической макросемьи от иных, как предполагается, не родственных им? Ответ на этот вопрос важен для оценки предлагаемой в докладе серии сравнений ностратических местоимений и формантов (даются под звездочкой) с аналогичными элементами этрусского языка, в изучении которого за последние 30 лет достигнут большой прогресс благодаря работам итальянской (М. Паллоттино, М. Кристофани, Дж. Колонна, К. де Симоне, Л. Агостињяни) и австро-немецкой (Э. Феттер, А. Пфиффиг, Г. Рикс) этрускологических школ, а также М. Лежена.

Местоимения. 1-е л. ед. ч. *\*mi*, основа косв. пад. *\*minā* // этр. *mi*, форма субъекта и немаркир. объекта, *mini/mina*, форма маркир. объекта; 2) 2-е л. ед. ч. *\*ti*, множ. ч. *\*ā* // этр. - *θ*, показатель *des schwachen Imperativs* [Pffiffig 1969], ср. *hexz/hexs-θ* 'положи (-те)', *nunθen/nunθen-θ* 'принеси(-те)'; 3). Указат. мест. одушевл. класса *šā* // этр. *sa* в формуле 'из Тарквиний *sa(-m) subī cerixunce* [TLE 880, 882] 'он гробницу поставил' [Lejeune 1982/4]. Указ. мест. неодушевл. класса *\*a* // этр. *ta*; 5). Относит. мест. *\*ja* // этр. *ia*, частица в тексте на Капуанской черепице, связующая определяемые с определениями: *vacil ia leθamsul vacil ia riθnai* — 'приношение для бога *Leθams*, принесение ритуальное (?)'.

Глагол. 1). Медиум-рефлексив *-nā* // этр. — *in* медиум-пассив; из множества примеров см. TLE 315 *subī... clensi cerine* 'гробница...сыном поставлена' при стандартной формуле *an/sa subī cerixunce* 'он/тот, кто/гробницу поставил', ср. медиальную конструкцию AM  $\Upsilon$  11 *enac usil cerine* 'когда солнце поднялось'. 2). Пассив *\*-uā* // этр. *-u* показатель пассивных причастий от переходных глаголов (*mulu* 'подаренное', *zixu* 'написанное', *aliqu* 'принесенное') и активных причастий от глаголов непереходных (*luru* 'умерший', *cesū* 'покоящийся'). 3). Каузатив-рефлексив *\*tā* // этр. *-θ* каузатив [Vetter 1940], ср. TLE 85 *sacū θui ceseθce* 'святилище тут заложил' при *cesū* 'покоящийся'. 4) Дезидератив *\*-sā* // этр. *-s* "интенсив", по Пфиффигу [1969], ср. *care-s-ri* 'надлежит поставить' (TLE 619), *aca-s-ri* 'надлежит сделать' (Капуанская черепица) или в TLE 131 *an cn zix neθsrac acasce* 'он эту книгу гадательную созда(вал)'. 5). Прош. время на *\*-di* // этр. *-θ* в претеритальных причастиях, ср. *sval-θ -as* 'прожив' при *sval-as* 'живя'. 6). Частица прошед. времени *\*Hi* // раннеэтр. *\*i*, показатель прошед. времени, ср. этр. *ama* 'есть': *ame* 'был' < *\*ama-i*; лемносок. *ama-i* 'был', *šiva-i* 'жил', и др. 7).? Если правы Феттер [1940] и Пфиффиг [1969], трактуя форму *ame* в императивных контекстах AM как оптатив, то для раннеэтр. возможна реконструкция форм типа *\*ama-j*, где *\*j* < ностр. *\*je* (формант оптатива).

Именное словообразование. 1). Уменьшит. и ласкат. суффиксы *\*-ka* // этр. *-c(u)* формант уменьшит. женских имен *θana:θanicu*, *larθi:larθicu*; *\*-ja* // этр. *-i(u)* аналогичный формант мужских имен (*aule:auliu*, *larθ:larθiu*); *\*-Ca* // этр. *-za*, ср. *murs* 'урна': *murza* 'маленькая урна', *qutum* 'сосуд-ко-

тон<sup>2</sup>: *qutumuzza* 'маленький котон' и т.д. 2). Суффикс отглагол. имен *-i/этр.* *-il* в *acil* 'изделие' при *ac-* 'делать', *vacil/vacl* 'приношение' и др.

Именные аффиксы числа и падежа. 1). Собирает. формант *\*l/a/* *//этр.* *-l* в ТПЕ 135 *murs-l* XX '20 урн', также стандартно в тех названиях этрусских городов, которые в латыни передаются как *pluralia tantum*: *tarxmalθi* 'in Tarquiniis', *velznalθim* 'in Volsiniis', *velclθi* 'in Volcis'. К существованию множ. числа на *-l* и на *-r* (*aiser* 'боги', *clenar* 'сыновья'), ср. положение в алтайской и картвельской (сванский) ветвях ностратич. макросемьи. 2) Косв. основа множ. числа *\*-j-* *//этр.* *-i(a)* в *nacnva-ia-si* дат. пад. множ.ч. [ТПЕ 84] от *nacnva* 'почтенный', ср. ТПЕ 380 [θapicun/θ apinto-i-s] - '[да будут прокляты] проклятыми'. 3) Показатель субъекта и немаркир. объекта *\*θ* *//этр.* *θ* (одушвлненный объект факультативно маркируется показателем *-s*). 4) Показатель косв. пад. основы *\*n/этр.* *-(i)n*, "архаический генетив" в АМ У 16 *vacl θ esn-in* 'приношение для богини *θesan*' [Pallottino 1932], *vers-in* при *vers e* 'огонь' и др. 5) Формант генетива *\*s/* (и.-е., картв.) *//этр.* *-s*; 6). Локативные частицы *\*da/этр.* *(i)*; *\*n/* *//этр.* *-n* в *hinθθi-n* 'снизу' при *hindiu* 'внизу', *handi-in* 'спереди' (?) [Pffiffig 1969].

Синтаксис. Усилительная и присоединительная постпозит. частица *\*k/ε/этр.* *-c*. Вместе с местоименными частицами (этр. *i-ta/e-ta*, *i-ca/e-ca* 'это', *an* 'тот(кто)', *in* 'то(что)') *//ностр.* *\*a*, *\*i/ε*, *\*n/* в этрусском обнаруживается 25–27 элементов, принадлежащих к базисному структурному уровню ностратической языковой системы, т.е. более половины списка, реконструируемого Иллич-Свитычем. При общеизвестных трудностях с интерпретацией большей части этрусских текстов наглядные выводы, которые удается получить на ограниченном достоверном материале, заставляют колебаться между двумя возможностями: либо в грамматической части реконструкция Иллич-Свитыча не достигает той степени определенности, когда языки ностратической макросемьи могут быть четко отделены от неродственных им языков, либо надо думать о возможности вхождения этрусского в эту макросемью как седьмого ее члена. Что касается альтернативной гипотезы о родстве этрусского с восточно-кавказской группой языков, то некоторые сходства между ними прослеживаются в сфере именного склонения (форманты *-n*, *-θ*) и словообразования, местоименных частиц и т.д., т.е. там, где обнаруживаются аналогии между восточно-кавказскими и ностратическими языками в целом. Этрусская же система личных местоимений и глагол имеют отчетливо ностратический облик.

В.П. Яйленко (Москва)

## НЕСКОЛЬКО ВОЗМОЖНЫХ НОСТРАТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

1. К соответствию и.-е. *\*dhuer-* 'двор, дверь' – шумер. *tur* 'двор, скотный двор, загон для скота' (А. Шотт) может быть добавлен ряд параллелей, прежде всего алтайских. Это общетюрк. *\*tur-* : др. уйг., чагат, и совр.

*tur* 'стоять, встать; остановиться; находиться, жить' с производным *tura* 'дом, строение, жилище; город'; тунгусо-маньч. *tur* 'земля'; монг. *tur* 'городок, крепость'. Сюда также самод. *\*tura* : камас. *tura* 'изба, дом; город, деревня', койб. *tirra* 'деревня', матор. *tura, turra* 'город'; все они считаются заимствованиями из северо-восточного тюркского (А. Йоки). В таком плане может быть трактовано и кетское *тура* 'изба, город, село' – как тюркское или самодийское заимствование, но равным образом оно может быть результатом древнейших генетических связей кетского с урало-алтайским. На основе приведенных фактов возможно восстановление ностратической основы *\*tur-*, семантическая эволюция которой от исходного глагола со значениями 'стоять, остановиться, обитать' к производным со значениями 'жилище, поселение, земля, страна' прослеживается по тюркским данным.

2. И.-е. *\*koslo-* 'плетеная корзина' восстанавливается по лат. *qualum* (из *\*quaslom*), то же, и слав. *\*кошель* 'корзина, сумка' (другие значения). И.-е. *\*koslo-* сопоставимо с шумер. *kuš-lu<sub>2</sub>* 'кожаная сумка', в обоих случаях выделяется основа *\*kos-/\*kuš-* (в индоевропейской основе суффикс *-l-*). И.-е. *\*kos-* имеет продолжение только в слав. *\*кошъ* (ст.-слав. *кошь* 'корзина' и др.), но может быть сопоставлено с тюрк. *\*koš* (башк. *kiš* 'шалаш', кирг. *koš* 'маленькая походная юрта'; тур. *koş* 'стадо', балкар. *koş* 'стоянка, молочная ферма') по признаку плетеного или кожаного материала. К семантической связи значений 'сумка, корзина' – 'шалаш, юрта' ср. диалектные значения слав. *\*кошель*: др.рус. *корзина* – 'шалаш, юрта' ср. диалектные значения слав. *\*кошель*: др.рус. *корзина* – 'корзина, короб, кузов саней, телеги', лужицк. *košela* 'плетень, изгородь, пастушеский шалаш'. По-видимому, и.-е. *\*kos-*, пратюрк. *\*kos-* (> тюрк. *\*koš*) и шумер. *\*kuš-* образуют ностратическую основу *\*kos-* 'плетеная или кожаная корзина, сумка'.

3. С ностратич. *\*warl* : алт. *\*bar* 'противоположная сторона(еки)', урал. *\*warl* 'сторона, край', драв. *\*war-* 'сторона, бок, край', с.-хам. *\*br* 'бок, сторона, страна' (В.М. Иллич-Свитыч), видимо, сопоставимо шумер. *bar* 'сторона'.

4. И.-е. *\*kam-* 'гнуть(ся)', вероятно, сопоставимо с шумер. *gam* 'гнуть, сгибаться', как и ряд производных.

5. Интересно соответствие нивх. *ka* 'имя' и др.егип. *k<sup>3</sup> (ka)* – обозначения двойничной ипостаси человека. У нивхов и древних египтян, как и у ряда других народов, имелось представление о неразрывной связи имени и человека (у нивхов оно просматривается в табуировании настоящего имени человека во избежание нанесения ему вреда). У древних египтян "ка и имя по сути своей идентичны" (А.О. Большаков), и такая сущность др.егип. *k<sup>3</sup>* целиком соответственна значению нивхского слова *ka* 'имя' и его имманентной связи с человеком в представлениях нивхов. Близки и представления обоих народов о роли имени и ка в загробной жизни человека. Двойник египтянина, *Ka*, продолжал существование в его изображениях и имени. У нивхов было в обычае давать новорожденным имена давно умерших (не менее трех поколений назад) предков, т.е. покойный сородич продолжал свое существование в имени. Некоторые данные позволяют предполагать, что в I тыс. до н.э. пранивхи обитали в Прикаспии: так, известное с VI в. до н.э.

название Каспийского моря *Nyrkania* сопоставимо с нивх. *herk, kerk* 'море' (Г.Е. Корнилов); согласно подписи на карте Сибири XVII в., основание своего города в устье Амура нивхи приписывали Александру Македонскому. Такая локализация пранивхов с учетом того, что владения египтян доходили до Евфрата, позволяет ставить вопрос об общем источнике др.-егип. *h<sup>3</sup>* и нивх. *h<sup>3</sup>a*.

И.И. Пейрос (Москва)

### О КОНТАКТАХ МЕЖДУ ДРАВИДИЙСКИМИ И АВСТРОНЕЗИЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ

В работах Г.М. Бонград-Левина и Н.В. Гурова [Бонград-Левин, Гуров 1988 и др.] упоминается существование лексических сближений (около 40 слов) между дравидийским (ДР) и австронезийскими (АН) языками. Однако известные нам сближения между этими семьями относятся только к южнодравидийскому периоду (ЮДР – I тыс. до н.э.), когда ни ДР, ни тем более АН языков уже явно не было. Появление АН заимствований было, возможно, связано с выходом предков южных дравидов к районам морского побережья, уже освоенным одной или несколькими группами АН населения. Уместно поставить вопрос, не являлись ли эти АН группы предками мальгашей, переселение которых на Мадагаскар могло происходить приблизительно в то же время. Насколько можно судить по заимствованным в ДР языки АН словам, их фонетический облик не напоминает мальгашский. Однако специфические мальгашские черты могли возникнуть, как известно, уже на Мадагаскаре в результате влияния местных языков.

Приведем примеры (АН реконструкция О. Демпвольфа)

1. ЮДР \*carVt̚ 'веревка' (DED 2356): формы колами (ta. d) и найки (t̚ar) заимствованы из телугу *traḍu*.  
АН \*dālat 'веревка' (Тб. Мл. Нг. Пн)
2. ЮДР \*kīraN 'батат' (DED 1578)  
АН \*gaḍuŋ 'ямс' (Тб. Яв. Мл. Нг)  
Пример Н.В. Гурова.
3. ЮДР \*putV 'дверь' (DED 4274)  
АН \*pin/ɬ/ʉ 'дверь' (Тг. Тб. Мл)
4. ЮДР \*ula 'пест' (DED 642)  
АН \*halu 'пест' (Тг. Тб. Яв. Мл. Нг. Мг)
5. ЮДР \*(s) ampi 'лодка' (DED 177)  
АН \*t'ampan 'лодка' (Яв. Мл. Нг)
6. ЮДР \*paṭa- 'банан' (DED 3847)  
АН \*puŋ/ɬ/ɬ/ʉ 'банан' (Мг. Фи. Са. Пн)
7. ЮДР \*paṭaCV 'лодка' (DED 3838) или \*paʔrV id. (DED 4120)  
АН \*paḷahu 'лодка'  
Пример Н.В. Гурова.

8. ЮДР \*potta 'слепой' (DED 4495)
9. ПН
8. ЮДР \*potta 'слепой' (DED 4495)  
АН \*buta 'слепой' (Тб. Яв. Мл. Нг)
9. ЮДР \*paṭuvan 'прыш' (DED 3859)  
АН \*bu(n) tun 'прыш' (Тг. Яв. Мг)
10. ЮДР \*kḍiV 'крепость' (DED 2207)  
АН \*kuṭa 'крепость' (Тг. Тб. Яв. Мл. Нг)  
ср. санскритск. *kota, kotta*.
11. ЮДР \*kUṭa 'больеть' (DED 1661)  
АН \*kəduṭ 'боль' (Тг. Яв)
12. ЮДР \*tikV 'бояться' (DED 3202, 3207)  
АН \*takut 'бояться' (Тг. Тб. Мл. Мг. Са. Пн)

Известно сопоставление с АА языками.

13. ЮДР \*taIV 'веревка' (DED 3133)  
АН \*talih 'веревка' (Тг. Яв. Мл. Нг. Мг. Фи. Пн)
14. ЮДР \*kila 'рыть' (DED 1588)  
АН \*kali 'рыть' (Тб. Мл. Нг. Мг. Фи. Са. Пн)

Помимо подобных случаев известно два примера, когда в сравнении выступают центрально-южнодравидийские корни:

1. ЦЮДР \*var- 'хорошо жить' (DED 5372)  
АН \*vada 'быть, существовать' (Тг. Тб. Яв. Мл. Фи)  
ср. мон-кхмерск. \*dah > мон dah id.
2. ЦЮДР \*pāra 'камень' (DED 4120)  
АН \*batu 'камень'.

Возможно, что это просто ошибочные или относящиеся к иному типу сближения.

С.Ю. Темчин (Вильнюс)

### О ВОССТАНОВЛЕНИИ НЕЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННЫХ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ (\*u-ОСНОВЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

0. Фонетико-фонологические, акцентологические и словоизменительные системы языков включают в себя элементы, которые: а) одинаково представлены в группе родственных языков и возводятся к прасостоянию в той же форме или б) значительно различаются по языкам и реконструируются в форме, не известной ни одному из них. Однако в области словообразования наши представления о праязыковой системе практически ограничиваются явлениями первого рода, что делает актуальным вопрос о возможности реконструкции таких деривационных моделей, которые имели бы различные рефлексy в изучаемых языках.

1. Для прабалто-славянского состояния может быть реконструирована модель образования отглагольных прилагательных на \*us с основным деривационным значением "склонный к совершению действия", которая как в балтийских, так и в славянских языках представлена целым рядом вариантов.

2. В литовских диалектах наряду с прилагательными на *-us*, соотносимыми с глагольными основами (*kalbūs* 'разговорчивый': *kalbėti* 'говорить') в качестве вариантов представлены также:

а) основы на *-as* (*gājas* 'живучий' наряду с *gajūs* 'то же': *gyti* 'заживать; выздоравливать');

б) основы на *-ias* (*plācīas* 'широкий' наряду с *platūs* 'тоже': *plėsti* 'расширять; распространять');

в) образования с вторичными суффиксами, в том числе *-nus*, *-mus*, *-rus*, *-lus*, *-stus*, которые могут взаимозаменяться при одних и тех же корнях (*bamūs* 'сварливый', *bamūs* 'то же' наряду с *barūs* 'то же': *barti* 'ругать'; *ėdrūs* 'прожорливый' наряду с *ėdūs* 'то же': *ėsti* 'есть'; *bimūs* 'сыпкий', *birūs* 'то же', *birstūs* 'то же' наряду с *birūs* 'то же': *berti* 'сыпаться') и выступать иногда в формах *-nas*, *-mas*, *-ras*, *-las*, *-stas* (*baĩnas* наряду с *bamūs*; *ėdras* наряду с *ėdrūs*);

г) образования с вторичным суффиксом *-ingas*, который присоединялся не только к основам на *-us* (*darbingas* 'трудолюбивый' из *darbūs* 'то же': *dirbti* 'работать'), но и к вторичным образованиям на *-nus*, *-mus*, *-rus*, *-lus*, *-stus* и некоторым другим (*bamĩngas* из *bamūs*; *bamĩngas* из *bamūs*).

3. С точки зрения синхронии в современном литовском языке рассматриваемой словообразовательной модели уже не существует: она была разрушена переходом многих прилагательных на *-us* в другие типы склонения (после переразложения основ), а также процессом присоединения к *u*-основам некоторых вторичных суффиксов, в результате которого возникли квазидериваты на *-ingas*, *-nus*, *-lus* и другие, существенно отличающиеся от собственно дериватов: присоединение вторичных суффиксов не сопровождается у них никакими изменениями в семантике, такие новообразования не могут сосуществовать в рамках одной системы со своими "производящими" основами, которые вытесняются из нее. Использование различными диалектами разных вторичных суффиксов привело к возникновению регулярных словообразовательных соответствий, наличие которых открывает возможность для реконструкции исчезнувших деривационных моделей.

4. В латышском языке основным рефлексом рассматриваемой балтославянской модели стали квазиобразования на *-ĩgs*, сохранившие связь с глагольными основами (лтш. *kratĩgs* 'тряский': *kratīt* 'трясти' при лит. *kratūs*: *kratyti*). Кроме того, в латышском иногда сохранялись формы на *-s* < \**as* (лтш. *kārs* 'жадный' наряду с *kāĩgs* 'то же': *kārot* 'жаждать'), а также на *-ns* < \**nas*, *-ls* < \**las* и другие (лтш. *seklis* 'мелкий' при лит. *seklūs* 'то же', *sekus* 'то же': *sekti* 'мелеть'), что позволяет предположить для латышского процессы, аналогичные литовским.

5. В славянском большинство \**u*-основных прилагательных приняло вторичный суффикс \**-kъ*, сохранив связь с глагольными основами (\**edъ-kъjъ*: \**esti*). Однако наряду с такими образованиями в славянском представлены и некоторые формы без вторичного суффикса (\**dъrъzъjъ* наряду с \**dъrъzъkъjъ*: \**dъrъzati*), а также варианты образования с суффиксами \**пъjъ*, \**лъjъ* и некоторыми другими (русс. *волкий* и *воллый*, *грузкий* и *грузный*, с.-хорв. *узак* и *узан*), что позволяет реконструировать для праславянского процессы, аналогичные балтийским. Это значит, что следы

\**u*-основных прилагательных следует искать не только среди славянских образований на \**-kъjъ*, но и среди бессуффиксальных основ (\**polъjъ*: \**politi*), прилагательных на \**пъjъ*, \**лъjъ* (\**zъdъnъjъ*: \**zъdati*) и других.

6. В результате различной трансформации исходной модели возникло регулярное словообразовательное соответствие лит. \**-us* ~ лтш. *-ĩgs* ~ слав. \**-kъjъ* с известными отклонениями.

## С о д е р ж а н и е

<i>От редколлегии</i> . . . . .	3
<i>М. Е. Алексеев</i> (Москва). Морфологическая реконструкция и отдаленное родство языков . . . . .	11
<i>С. Б. Бернштейн</i> (Москва). О судьбе праславянских носовых гласных в юго-западных говорах македонского языка . . . . .	24
<i>С. В. Бромлей</i> (Москва). Диалектная синхрония и развитие языка . . . . .	26
<i>И. А. Букринская</i> (Москва). Множественность и собирательность на материале Им. мн. существительных в русских говорах . . . . .	27
<i>Ж. Ж. Варбот</i> (Москва). Этимологизация славянской лексики и реконструкция праславянского лексического фонда . . . . .	16
<i>В. Ф. Выдрин</i> (Ленинград). Тональные классы слов в языке доома . . . . .	33
<i>Л. А. Гиндин, И. А. Калужская</i> (Москва). Вклад В. М. Иллич-Свитыча в карпатские ареально-этимологические исследования . . . . .	23
<i>Е. И. Демина</i> (Москва). Развитие системы средств относительно подчинения в болгарском языке . . . . .	37
<i>А. В. Дыбо</i> (Москва). Инлаутные гуттуральные в тунгусо-маньчжурских и праалтайском . . . . .	51
<i>В. А. Дыбо</i> (Москва). К вопросу о типах систем парадигматического акцента . . . . .	47
<i>Г. П. Клепикова</i> (Москва). Гипотеза В. М. Иллич-Свитыча относительно роли "карпатской миграции славян" в свете новых данных лингвогеографии. . . . .	21
<i>Л. В. Куркина</i> (Москва). К проблеме карпатоукраинско-словенских лексических связей . . . . .	20
<i>Д. Р. Лещинер</i> (Москва). Реконструкция тонов и долгот в праязыке семьи жока . . . . .	34
<i>В. В. Мартынов</i> (Минск). Презумпция генетической соотнесенности и верификация в компаративистике . . . . .	40
<i>А. С. Мельничук</i> (Киев). О единстве происхождения языков мира . . . . .	8
<i>В. Э. Орел</i> , (Москва). Происхождении личных местоимений в семито-хамитском . . . . .	54
<i>В. Э. Орел, О. А. Столбова</i> (Москва). Из семито-хамитских дополнений к ностратическому словарю . . . . .	15
<i>И. И. Пейрос</i> (Москва). О контактах между дравидийскими и австронезийскими языками . . . . .	58

<i>В. Я. Порхомовский</i> (Москва). Типология двуязычия и проблемы лексической реконструкции в бесписьменных языках . . . . .	13
<i>В. Г. Склярченко</i> (Киев). Акцентологический закон Хирта . . . . .	31
<i>М. В. Софронов</i> (Москва). Фонация и тон в тибетском и тангутском языке . . . . .	42
<i>С. А. Старостин</i> (Москва). О японо-корейских акцентных соответствиях . . . . .	44
<i>А. Е. Супрун</i> (Минск). Рефрекссы преконсонантных сочетаний типа *OR в полабском . . . . .	11
<i>С. Ю. Тежнин</i> (Вильнюс). О восстановлении незасвидетельствованных балто-славянских словообразовательных моделей (*и-основы прилагательных) . . . . .	51
<i>А. В. Тер-Аванесова</i> (Москва). Системы противопоставления фонем "типа Q" в русских говорах . . . . .	21
<i>В. Н. Топоров</i> (Москва). Ностратика, глоссогенетика, этимология философов и поэтов . . . . .	6
<i>Р. П. Усикова</i> (Москва). Исследования В. М. Иллич-Свитыча по македонскому языку. Македонско-русский словарь . . . . .	2
<i>Е. А. Хелижский</i> (Москва). Уральский консонантный ауслат ∞ индоевропейская гетероклиза . . . . .	1
<i>В. Л. Цымбурский</i> (Москва). Ностратическая грамматика в реконструкции В. М. Иллич-Свитыча и проблема генетических связей этрусского языка . . . . .	5
<i>Г. А. Цыжун</i> (Минск). Специфические межславянские соответствия и реконструкция праславянской ареальной структуры . . . . .	31
<i>В. Некмонас</i> (Вильнюс). Начальные слав. *je-/ *o- в генетическом и типологическом аспектах . . . . .	11
<i>В. П. Яйленко</i> (Москва). Несколько возможных ностратических соответствий . . . . .	51



Подписано к печати 25.12.89  
Объем 4,0 п.л. Печать офсетная  
Тираж 400 экз. Зак. 359

Ордена Трудового Красного Знамени  
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы  
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"  
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28